

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪ ДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать шестой.

№ 4-й. 15-го февраля 1902 года. № 4-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть официальная.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

О воспрещеніи причтамъ епархіи повѣнчанія браковъ лицъ, принадлежащихъ отъ рожденія къ расколу и сектантству и ищущихъ присоединенія къ православію съ цѣлю вступленія въ бракъ съ лицами православнаго вѣроисповѣданія.

1902 года января 18 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Самарская Духовная Консисторія слушали: рапортъ благочиннаго Новоузенскаго градскаго округа, протоіерея Михаила Матюшенскаго, отъ 9 января сего года за № 28, съ представленіемъ рапорта причта села Питерки, отъ 31 декабря 1901 года за № 392, коимъ послѣдній доноситъ, что крестьянинъ Иванъ Пименовъ Косицынъ, **присоединенный въ православію изъ** молоканской секты въ 1900 году, въ прошлый мясоѣдъ заявилъ причту села Питерки, что онъ Косицынъ, **снова** переходитъ въ молоканскую секту. Причину такого перехода Косицынъ высказалъ ту, что резолюціей Его Пресвященства, **списанной** въ указѣ Консисторіи, отъ 15 декабря 1900 года за № 2402

БИБЛИОТЕКА

предложено ему, Косицыну, просить разрѣшенія на повѣнчаніе съ православною дѣвицею у Святѣйшаго Синода, съ обстоятельнымъ изложеніемъ своей просьбы; но онъ Косицынъ, это предложеніе исполнить не желаетъ, а переходитъ опять въ молоканскую секту и женится на молоканкѣ, по молоканскому обряду. На рапортѣ благочиннаго, за № 28, послѣдовала резолюція Его Преосвященства, отъ января сего года таковая: „на заключеніе Консistorіи... Того и нужно было ожидать отъ Косицына, ибо онъ принялъ православіе изъ — за расчетовъ“. С п р а в к а: 1) Присоединеніе Косицына, чрезъ Таинство Св. Крещенія, записано по метричѣ села Питерки за 1900 годъ, 24 іюня, подъ № 131. 2) По прошенію Косицына, отъ 22 іюня 1900 года, о присоединеніи его къ православію, Консistorіею было опредѣлено: „Напомнивъ причту села Питерки, что, въ случаѣ смертной опасности, Св. Крещеніе должно быть преподано всякому, ищущему просвѣщенія, не ожидая на то архипастырскаго разрѣшенія, вмѣстѣ съ симъ затребовать отъ названнаго причта отзывъ о духовномъ состояніи просителя, поручивъ приготовить его ко св. крещенію“. Что и было исполнено непосредственно на имя причта села Питерки посланнымъ указомъ, отъ 7 іюля за № 12801. Но причтъ, до полученія сего указа, присоединилъ Косицына къ православію, чрезъ Таинство Св. Крещенія, за что и сдѣлано ему замѣчаніе, по журналу Консistorіи, отъ 5 августа 1901 года. П р и к а з а л и: Дать знать причтамъ епархіи, чрезъ напечатаніе въ оффиціальной части Епархіальныхъ Вѣдомостей, дабы они, въ случаяхъ обращенія къ нимъ раскольниковъ и сектантовъ съ просьбами о присоединеніи ихъ къ церкви православной, когда есть основаніе не довѣрять искренности обращенія просителей и просьба о присоединеніи къ церкви православной можетъ происходить изъ желанія лицъ, находившихся въ расколѣ или сектантствѣ, расторгнуть раскольническій или сектантскій бракъ, въ полицейскія метрическія книги не записанный, для вступленія въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, не питали надежды получить на повѣнчаніе таковаго брака разрѣшеніе Епархіальнаго Начальства; ибо раскольники и сектанты отъ рожденія, состоящіе въ бракѣ,

обрядъ котораго совершенъ лицомъ того вѣроисповѣданія, къ которому брачующіеся въ то время принадлежали, хотя бы таковой бракъ и не былъ записанъ въ полицейскія метрическія книги выдаваемыя для записи браковъ раскольническихъ, отъ Епархіальнаго Начальства разрѣшенія на вступленіе въ бракъ съ православными не получаютъ.

На семь опредѣленіи 22 января послѣдовала резолюція Его Преосвященства: „Исполнить“.

ПИСЬМО ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ИЗЪ СРЕДЫ ИНОРОДЦЕВЪ.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архитастырь и Отецъ!

По долгу своей служебной обязанности и христіанскому чувству я велико обязанъ всѣ свои усилія прилагать къ дѣлу устройства и поддержанія зданій излюбленныхъ Нашимъ Монархомъ церковно-приходскихъ школь, но Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, по своему предобрѣйшему великоразумію, нашли еще нужнымъ мои мизерныя заботы о этихъ зданіяхъ — школь засвидѣтельствовать Всероссійскому Святѣйшему Синоду, который, по засвидѣтельствованіи Вашего Преосвященства, удостоилъ меня своимъ святѣйшимъ благословеніемъ, съ преподаніемъ грамотъ: по 6-му благочинію — за Больше-Сурметевскую церковно-приходскую школу — 11 февраля 1901 г. и по 7-му благочинію — за таковую же Яковлевскую школу — 17 сентября того же 1901 г.

Получивъ нынѣ такія великія награды, кои на вѣки останутся незабвенной и драгоцѣнной памятію у меня и моего потомства, я и моя семья, припадая къ святымъ стопамъ Вашимъ, просимъ Вашего Преосвященнѣйшаго благословенія и позволяемъ себѣ отъ истиннаго своего христіанскаго сердца выразить Вамъ, Великомилостивѣйшій Владыко свою сердечную и душевную благодарность за Ваше святое ко мнѣ вниманіе.

Истинно, истинно!! обѣщаюсь Вамъ, Великомилостивѣйшій Владыко, какъ предъ Богомъ, на всегда и въ будущемъ быть не-

утомимымъ ревнителемъ къ устройству и поддержанію зданій церковныхъ школъ и зданій причтовыхъ домовъ.

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и отца велико-преданный грѣшный рабъ Божій Больше Сурметевскій, Бугурусланскаго уѣзда, волостной писарь Діонисій Ив. Харитоновъ.
7 января 1902 г. № 15.

На семь писемъ послѣдовала слѣдующая резолюція Его Преосвященства: „Чувство признательности, выраженное настоящимъ писаніемъ, глубоко-трогательно и достойно того, чтобы оно было напечатано въ Сам. Еп. Вѣдомостяхъ, къ чести усерднаго боголюбца, раба Божія Діонисія, радѣющаго о церковно-нравственномъ просвѣщеніи русскихъ и инородцевъ волости, которой онъ служитъ, по занимаемой имъ должности... О, если бы побольше было такихъ дѣятелей среди русскаго и инородческаго населенія!... *Е. Г.*
17 января“.

О ВЪ Я В Л Е Н І Я .

Бугульминскаго Уѣзднаго Отдѣленія САМАРСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА.

Бугульминское Уѣздное Отдѣленіе имѣетъ честь сообщить о срокахъ очередныхъ засѣданій въ 1902 году, имѣющихъ быть въ слѣдующія числа мѣсяцевъ: 21 января, 21 февраля, 20 марта, 22 апрѣля, 20 мая, 20 іюня, 23 іюля, 21 августа, 20 сентября, 23 октября, 2 ноября и 20 декабря.

РОСПИСАНІЕ

сроковъ для экзаменовъ на званіе учительницъ церковно-приходской школы, имѣющихъ быть при Самарскомъ Епархіяльномъ женскомъ училищѣ въ 1902 году: февраля 11—16, марта 18—23, апрѣля и мая 29—4.

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать шестой.

№ 4-й. 15-го февраля 1902 года. № 4-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть неофіціальная.

Бесѣда о страшномъ судѣ (*).

За литургіей въ нынѣшній день, по уставу православной церкви, полагается читать евангеліе о будущемъ страшномъ судѣ. Не безъ причины святая мать наша—церковь православная предлагаетъ нашему вниманію это евангельское чтеніе именно въ нынѣшній день. Нынѣ предѣльный день мясопуста. На-завтра наступятъ дни поста; будущая седмица, правда, составляетъ постъ пока еще не полный, служить, такъ сказать, преддверіемъ св. сорокадесятиницы, и для того несомнѣнно церковь устроила такъ, чтобы не сразу отягчить насъ строгимъ воздержаніемъ, а приучить насъ къ нему постепенно... О наступленіи поста не сегодня только возвѣстила намъ св. церковь. Сегодня уже третій воскресный день, какъ мы слышимъ особыя чтенія и пѣнопѣнія, въ которыхъ намъ напоминаетъ о нашихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, и о потребности въ покаяніи предъ Богомъ („Покаянія отверзи ми двери“... Множества содѣянныхъ мною лютыхъ“)... о томъ, что мы стран-

(*). Провнесена на братской вечернѣ въ 1901 г., въ педѣлю мясопустную.

ники и пришельцы на землѣ, подобно іудеямъ, отведеннымъ въ плѣнъ Вавилонскій и подобно имъ должны сокрушаться о потерѣ своего небеснаго отечества и помнить всегда о немъ („На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо съдохомъ и плакахомъ“)... За всеощными во все эти три воскресеня въ канонѣ можно было слышать сердечныя воздыханія церкви, отъ лица всѣхъ обращенныя къ Богу („Помилуй мя, Боже“)... А въ стихирахъ, тропаряхъ и особенно ясно въ евангельскихъ чтеніяхъ церковь представила намъ назиданія изъ двухъ глубокосодержательныхъ и поучительныхъ притчъ: 1) о мытарѣ и фарисеѣ и 2) о блудномъ сынѣ. Въ первой изображены два грѣшника, молящіеся въ церкви: одинъ съ гордостію и самохвальствомъ отдастъ предъ Богомъ отчетъ въ добрыхъ дѣлахъ своихъ, осуждая въ тоже время и унижая предъ собою ближнихъ своихъ; другой съ глубокимъ смиреніемъ и сознаниемъ виновности своей предъ Богомъ воздыхаетъ къ милосердію Божию о прощеніи... А во второй притчѣ представленъ несчастный грѣшникъ, блудный сынъ, дошедшій до крайней степени паденія и потомъ чрезъ раскаяніе возвратившійся снова въ объятія Отца небеснаго...

А нынѣ вотъ въ евангельскомъ чтеніи изображена предъ нами картина еще болѣе внушительная — *о страшномъ судѣ*..

Какъ и сколько ни живи на бѣломъ свѣтѣ, а умирать придется всѣмъ. Дни текутъ и улетаютъ; часы бѣгутъ, не возвращаясь назадъ; въ стремительномъ своемъ теченіи и времена, и люди, и весь міръ придвигаются все ближе и ближе къ своему концу... У всякаго изъ насъ есть предѣлъ, котораго никто не перейдетъ... Гдѣ мы теперь, были и все умершіе до насъ; а гдѣ они въ настоящее время, туда и мы идемъ и тамъ непременно будемъ. Нить жизни, сначала толстая, прочная, постепенно дѣлается все товьше и товьше, слабѣе и слабѣе, а потомъ и совсемъ истлѣветъ и оборвется... А иногда обрывается и неожиданно, вдругъ, какъ у работающаго на швейной машинѣ и за работой даже забывающаго объ этой ниткѣ, пока она не напомнитъ о себѣ внезапнымъ обрывомъ.. Плыветъ челнокъ по безбрежному морю, и все повидимому такъ спокойно и ясно кругомъ,

остается пловцу только дышать — не надыхаться чистѣйшимъ и мягкимъ воздухомъ и весело — радость на душѣ его, какъ вдругъ налетѣла, откуда ни возьмись, волна случайная и челнокъ перевернулся вверхъ дномъ и сдѣлался игрушкой стихіи, а пловецъ погибъ въ безднѣ безслѣдно.

Кто изъ людей жилъ — и не видалъ смерти (Пс. 88, 49)? *Всякая плоть, какъ одежда ветшаетъ; ибо отъ всяка опредѣленіе: смертию умрешь* (Сир 14, 18). *Умрешь:* а потому что? *Какъ положено* человѣкамъ *однажды умереть, а потомъ судъ* (Евр. 9, 27): такъ говорить слово Божіе. Судъ же, тотчасъ по разлученіи души съ тѣломъ бываетъ только пока *частный*, не полный. Какъ судъ сей производится и въ чемъ состоитъ онъ, для разсужденія объ этомъ нѣтъ достаточныхъ основаній въ откровеніи Божіемъ. Есть нѣкоторыя сказанія изъ преданій о временномъ состояніи душъ человѣческихъ за гробомъ, по разлученіи ихъ съ тѣломъ; изъ нихъ можно усмотрѣть, что судъ надъ душами умершихъ людей бываетъ непременно и что неодинаковой участи подлежатъ души праведныхъ и души грѣшныхъ, и — что хотя послѣ смерти нѣтъ покаянія, какъ говорятъ обыкновенно; но несомнѣнно также и то, что молитвы живыхъ за умершихъ, и особенно соединенныя съ принесеніемъ за нихъ безкровной жертвы во время божественной литургіи, превеликую пользу приносятъ тѣмъ, за коихъ они совершаются...

Судъ, слѣдующій тотчасъ за смертію, во всякомъ случаѣ судъ не полный и не окончательный, ибо остается жить только душа, а тѣло, отдѣлившееся отъ души, зарывается въ землю и подвергается естественному процессу разложенія... Полный же и окончательный судъ будетъ для всѣхъ людей въ одно время и уже не временный онъ будетъ, а вѣчный, и не для души только, но и для тѣла, судъ уже неизмѣнный на вѣки, посему и *страшный*. — Страшный, но необходимый, необходимый постольку, поскольку необходима будущая жизнь, новая, другая жизнь, не такая, какую теперь видимъ въ мірѣ. И что такое эта жизнь въ настоящемъ мірѣ? Стоило-ли бы жить на этомъ свѣтѣ, еслибы не знать, невѣрять,

что впереди, за гробомъ, будетъ жизнь лучшая, совершеннѣйшая! Если-бы жребій праведныхъ и грѣшныхъ рѣшался навсегда только этою землею жизнью, тогда каждый изъ насъ, обиженный судьбою на землѣ, при видѣ коварства, обиды, гоненій и притѣсненій, какія здѣсь терпятъ нерѣдко и добрые люди, вмѣсто награды, сказалъ бы въ душѣ и имѣлъ бы право сказать словами Иова многострадальнаго: „о да погибнетъ день, въ который я родился на землѣ, — да будетъ проклятъ тотъ свѣтъ на которомъ живу я несчастный! О Боже! Зачѣмъ же Ты создалъ меня? Зачѣмъ я не умеръ въ утробѣ матери моей, — или сряду послѣ того, какъ я увидѣлъ міръ, пока я не зналъ коварнаго свѣта и злобныхъ людей, — пока я былъ чистъ и невиненъ, какъ ангелъ во плоти“ (Иов. 3, 3. 11) Зачѣмъ же тогда Богъ всеправедный отдалъ бы на смерть Единороднаго Своего, на поруганіе развращеннымъ безумцамъ, въ убійствѣ мнѣвшимъ службу совершать Богу? Зачѣмъ умирать было позорной смертію на крестѣ Невинному, Безгрѣшному, молившему о прощеніи даже и тѣхъ самыхъ убійцъ, кои пригвоздили Его ко кресту? О Боже! Гдѣ правда Твоя? Воззри Своими очами, тмами темъ кратъ свѣтлѣйшими солнца очами, на эту проклятую землю: чего-чего только не творилось и чего-чего не творится нынѣ на ней, на пограніе и уничтоженіе всего святого, добраго, божественнаго и на злорадостное торжество лжи ненависти и безпутства? Здѣсь безумный вольнодумецъ богохульно и совсѣмъ повидимому безнаказанно ругается Твоему Святѣйшему Имени. А тамъ гнусный оболститель невинныхъ открыто похваляется распутствомъ своимъ. Здѣсь — неправда правду топчетъ въ грязь, а тамъ безбожіе душитъ и разрушаетъ вѣру. Здѣсь тайная злоба коварно подкапывается подъ благосостояніе добродѣтели, а тамъ свѣтъ тщетно, безсильно борется со тьмою и тьма одолеваетъ его. Люди Божіи — въ тѣснотѣ и напастяхъ, а чада міра въ широтѣ и изобиліи. Подвижники вѣры и благочестія укрываются въ горахъ и вертепахъ и пропасть въ земныхъ, а безбожники и распутники строятъ себѣ раззолоченные чертоги и созидаютъ все новыя и большія житницы. Тѣ, которыхъ *недостойнъ весь міръ*, труждаются и страждутъ и наготуютъ и скитаются, не имѣя по-часту гдѣ и главу свою приклонить, а

эти поклонники и мира и похоти его — без мѣры и без конца ѣдятъ, пьютъ, веселятся, изощряясь въ выдумываніи невиданныхъ еще доселѣ видовъ наслажденій. На главу смиренныхъ и кроткихъ сыплются всякія укоризны, насмѣшки и издѣвательства, а тордецы и хищники высоко поднимають свои головы и у подножія ногъ своихъ держатъ въ раболѣпствѣ и преклоненіи тысячі льстецовъ и низкихъ рабовъ, готовыхъ въ угоду имъ продать и знаніе, и таланты, и честь свою. Гдѣ же, гдѣ ты, Богъ правды? Богъ отмщений? Гдѣ твое святое, не подкупное правосудіе? гдѣ праведная кара злу и беззаконій? гдѣ награда за добро и благочестіе? Доколѣ Господи, доколѣ .. сѣмя нечестивыхъ спѣется? доколѣ грѣшницы похваляются (Кор. 12, 1; Пс. 93, 3)?.. И какая, при такихъ тѣсныхъ условіяхъ земной жизни, была бы польза служить Богу, отдаваться Ему всецѣло и исполнять Его волю, съ отреченіемъ отъ всѣхъ прелестей міра, съ обреченіемъ себя на неизбѣжныя страданія, поношенія и уничтоженія, какая польза, если и по ту сторону гроба никакой меремѣны здѣшняго не порядка не видится? Тогда справедливо, значить, говорятъ и поступаютъ разные чревоугодники и сластолюбцы, полагающіе цѣль всей жизни въ томъ, чтобы послаще поѣсть, попить, понаслаждаться, пожить въ угоду ненасытной плоти своей...

Но нѣтъ, нѣтъ! Неужели человѣкъ на то созданъ, чтобы страдать и послѣ смерти исчезнуть навсегда безслѣдно, безъ всякой надежды на вознагражденіе когда нибудь и гдѣ нибудь?!... Нѣтъ даже среди язычниковъ „не имѣвшихъ упованія“, и то были люди съ упованіемъ, смотрѣвшіе дальше и выше земного, видимаго и чувственнаго. Эти люди хотѣли вѣрить, заставляли себя вѣрить въ будущую жизнь и въ загробное праведное воздаяніе. Нѣкоторые изъ нихъ говорили такъ, что если бы не было на самомъ дѣлѣ другой, будущей жизни, съ новыми уже болѣе совершенными порядками, то ее нужно было бы нарочито придумать, ибо безъ надежды на нее и жить нельзя на землѣ, въ этой юдоли плача. А намъ, христіанамъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ Божественнаго откровенія, не только можно предполагать относительно будущей жизни и загробнаго воздаянія, а съ убѣжденіемъ чаять (по

Символу вѣры нашей) „воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“... Истина эта твердо запечатлѣна Словомъ Божиимъ, утверждена и ученіемъ и страданіями, смертію и воскресеніемъ Христа, Спасителя нашего, Начальника вѣры и Совершителя нашего спасенія.—Послушаемъ, что написано въ евангеліи: „И вышелъ Иисусъ шель отъ храма. И приступили къ Нему ученики Его, чтобы показать Ему зданія храма (Іерусалимскаго). Иисусъ же сказалъ имъ: видите ли все это? Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ. Когда же сидѣлъ Онъ на горѣ Елеонской, то приступили къ Нему ученики Его наединѣ и спросили: скажи намъ, когда это будетъ? и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка“ (Матѣ. 24, 1—3). Господь въ отвѣтъ имъ на эти вопросы началъ говорить имъ о признакахъ, которые должны предшествовать разрушенію Іерусалима, а также и второму пришествію Его и кончинѣ вѣка.. При этомъ сказалъ Господь, что это несомнѣнно будетъ такъ, какъ Онъ возвѣщаетъ: „*Небо и земля прейдутъ, но Слова Мои не прейдутъ*“ (ст. 35). Но когда небо и земля прейдутъ, т. е. когда наступитъ конецъ міра а вмѣстѣ съ тѣмъ и второе Его пришествіе и судъ, Господь не благоволилъ открыть. *О днѣ же томъ и часъ никто не знаетъ, ни ангелы небесныя, а только Отецъ Мой одинъ.* „Но какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго; ибо какъ во дни передъ потопомъ ѣли, пили, женились и выходили замужъ до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ,— такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго“ (ст. 36—39)...

Въ первый разъ приходилъ Сынъ Божій на землю для спасенія рода человѣческаго отъ грѣха, проклятія и смерти, въ униженномъ видѣ и состояніи. Будучи Сыномъ Божиимъ Единороднымъ по существу, Онъ принялъ плоть человѣческую и притомъ въ зракѣ раба, т. е. въ смиренномъ униженномъ видѣ, безъ видимой славы и блеска. Жилъ на землѣ какъ обыкновенный человѣкъ, во всемъ намъ подобный, кромѣ грѣха, пострадалъ и умеръ на крестѣ. Во второй же разъ придетъ Господь *во славу свою и вси святіи ангелы съ Нимъ.* Его пришествіе предварятъ

страшные предтечи на землѣ и ужасныя знаменія на небеси горѣ и на земли низу...

Въ послѣднія дни наступятъ времена люта (2 Тим. 3, 1—5).

Сатана возбудитъ тогда между народами и людьми страшную взаимную ненависть и вражду. Возстанетъ тогда народъ на народъ и царство на царство.. брать на брата; дѣти на родителей и родители на дѣтей (Матѣ. 10, 21; 25, 7; Марк. 13, 8, 12).

И хотя религія христ. распространена будетъ во всемъ мірѣ, отъ края до края земли, но между людьми, именующими себя святымъ именемъ Христа, изсякнетъ любовь... и даже вѣра (говорить Господь) тогда едва обрящется на земли (Лук. 18, 8): ересямъ, смутамъ, обманамъ, кощунству, богохульству и конца тогда не будетъ видно. Съ ужасами духовными, нравственными соединятся и ужасы въ природѣ видимой: будутъ глады, моры и землетрясенія и опустошенія и разрушенія и вообще такая *скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ, и не будетъ* (Мѣ. 24, 21). Въ то время, когда невѣріе и зло всякое разростется въ мірѣ, но *останокъ* праведныхъ всетаки сохранится невредимымъ и будетъ собою являть угрозу и препятствіе міру, враждующему противъ Христа, когда этотъ міръ злобы исчерпаетъ всѣ свои силы въ борьбѣ и всетаки до конца не уничтожитъ вѣры, правды и любви, тогда сатана выставитъ на борьбу уже самаго сильнаго и самымъ острѣйшимъ и гибельнѣйшимъ оружіемъ вооруженнаго — чловѣка беззаконія, сына погибели, ему же имя *антихристъ*, дѣятельность котораго будетъ по-истинѣ страшная, ибо она будетъ вся по дѣйству сатаны, даже съ знаменіями и чудесами необыкновенными... 42 мѣсяца — 3½ года будетъ продолжаться царствованіе его въ мірѣ... Посланные Богомъ два свидѣтеля — проповѣдники славы Божіей — предтечи пришествія Христова — Илія и Енохъ, не вкусившіе смерти естественной, для всѣхъ неизбѣжной, будутъ умерщвлены антихристомъ .. И вотъ, когда мракъ печали и унынія сгустится надъ церковію Христовою, состоящею въ меньшомъ останкѣ вѣрныхъ, уже по всячески испытанныхъ, — гонимыхъ и повсюду терзаемыхъ врагомъ всего Божьяго, всего святого, — когда мольбы и слезы этихъ избранниковъ Христовыхъ дойдутъ

до высшей степени болѣзненнаго напряженія, тогда уже и пробѣтъ часъ *конца*... Придетъ Господь — и не станетъ царства антихриста. И если бы не сократились тѣ дни; то ни спаслась бы никакая плоть; но *ради избранныхъ* сократятся тѣ дни (Матѣ. 24, 22). Самъ антихристъ погибнетъ самымъ ужаснымъ образомъ. Господь убьетъ его духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія своего (Фесс. 2, 3—10). Осужденіе и гибель антихриста будетъ началомъ осужденія и самого сатаны со всѣмъ его воинствомъ, ибо всѣ демоны (по слову Божію) соблюдаютъ теперь въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня (Іуд. 6 ст.).

Быстрое, какъ молнія, будетъ второе пришествіе Христово: какъ молнія, сверкнувшая отъ одного края неба, блистаетъ до другаго края неба: такъ будетъ Сынъ человѣческой *въ день Свой* (Лук. 17, 24; Матѣ 24, 26. 27). И пошлетъ тогда Господь ангеловъ своихъ — *съ трубнымъ гласомъ велимъ* (Мѣ. 24, 31). Отъ сего трубнаго гласа, вся природа придетъ въ смятеніе и разстройство: связь видимыхъ міровъ расторгнется, и всѣ силы небесныя поколеблются... Возшумятъ морскія бездны, потрясутся горы, распадутся камни; всѣ зданія и твердыни на землѣ разрушатся и все устройство ихъ и украшеніе въ прахъ превратится, и грады и царства земныя падутъ и смѣшаются во едино и будутъ *какъ прахъ, возметаемый вѣтромъ*... *Небеса тогда съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы раззорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10).

„*Явится знаменіе Сына человеческого на небѣ*“ говоритъ Господь... Знаменіе, это крестъ, знаменіе правды и любви Божіей... Онъ былъ предметомъ благоговѣнія и утѣшенія, опорой вѣры и надежды для благочестивыхъ и предметомъ глумленія для безумныхъ. Черезъ него возвѣстится явленіе Судіи—Того, Кто душу свою положилъ на немъ за всѣхъ грѣшниковъ, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3. 15). Возрадуются изстрадавшіяся сердца праведныхъ, когда они увидятъ наконецъ трофей побѣдный, предвозвѣщающій шествіе Самого Царя... А невѣрныхъ объметъ страхъ предощущенія не-

лицепріятнаго суда Божія, котораго они не боялись совѣмъ, когда благоденствовали на землѣ...

И тогда восплачутся всѣ племена земныя и узрятъ Сына человеческого, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою мноюю (Мтѣ. 24, 30). Всѣ увидятъ Его и всѣ узнаютъ въ немъ того, который приходилъ во своя пѣкогда для спасенія всѣхъ и свои Его не пріяша (Іоан. I, 11). И узритъ Его всякое око и тѣ, которые Его пронзили (Апок. I, 7). „Онъ покажетъ всѣмъ (прит. св. Іоан. Злат.) язвы и крестъ Свой, дабы видѣли люди, что Онъ Тотъ Самый, Котораго люди распяли“...

О, какое невыносимо ужасное, отчаянное тогда состояніе должно быть у людей, забывшихъ Бога и потерявшихъ вѣру: въ чемъ они могутъ найти себѣ утѣшеніе и поддержку? Они и смерть будутъ призывать къ себѣ, но и смерть убѣжитъ отъ нихъ. Прибѣгутъ ли они къ пропастямъ земнымъ, чтобы низринуться въ нихъ и исчезнуть, но и пропасти сомкнутся для нихъ и не примутъ ихъ. Рекутъ ли горамъ: падите на насъ, или холмамъ: покройте насъ отъ лица сидящаго на престолѣ, и отъ гнѣва агнца (Апок. 6, 16). Но ни горы, ни холмы не похоронятъ ихъ.

Все должно обновиться съ пришествіемъ Христовымъ. *Нынешнія небеса и земля, содержимыя тьмъ же словомъ* (т. е. Божіимъ), *сберегаются огню на день суда и погибели нечестивыхъ человековъ* (2 Петр. 3, 7): такъ говоритъ св. апостоль въ разсужденіи о наступленіи кончины вѣка Огонь преобразуетъ всѣ земныя стихіи и очиститъ землю и видимое небо, какъ очищаетъ золото отъ всякихъ примѣсей, когда оно положено въ горнило. Должно явиться *новое небо и новая земля, въ которыхъ обитать будетъ правда* (—13), т. е. такіе жители будутъ на этой землѣ и подъ этимъ небомъ, которые уже будутъ оправданы; а тѣхъ уже не будетъ, изъ за которыхъ доннынѣ проклятіе тяготѣетъ надъ землею, наложенное еще послѣ грѣхопаденія человѣка: они будутъ *во тьмъ вѣншей, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Матѣ. 8, 12).

Вотъ для того, чтобы настало такое состояніе природы и людей, и будетъ произведенъ *судъ* надъ всѣми людьми, надъ всѣми безъ исключенія, не только надъ живыми, дожившими до при-

шествовiя Христова, но и надъ умершими, которые должны для этого сдѣлаться живыми, т. е. воскреснуть.

Грядетъ часъ, въ онъже вси сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божiя и услышавшии оживутъ (Иоан. 5, 25). Здѣсь гласъ Сына Божiя представляется возбудителемъ умершихъ... Въ другихъ мѣстахъ евангелiя говорится (какъ мы уже видѣли) о звукахъ трубъ ангельскихъ... И гласъ Сына Божiя и звуки трубъ ангельскихъ не слѣдуетъ представлять себѣ *вещественно*, т. е. что дѣйствительно ангелы будутъ трубить: Ангелы духи безтѣлесные; и Сынъ Божiй не издастъ гласа слышаемаго ухомъ человѣч., и то и другое надобно принимать какъ символы, какъ образы или картины, взятые съ того, напр., какъ военачальникъ во время войны или при производствѣ военнаго смотра подаетъ громкiй голосъ, призывающiй къ оружiю, — или какъ герольды — вѣстники, по приказу военачальника, трубными сигналами возвѣщаютъ воинамъ о единовременномъ и единодушномъ дѣйствованiи... Сими образами, чтобы для насъ понятнѣе и нагляднѣе было, Господь обозначаетъ то непостижимое для насъ по существу дѣйствiе всемогущества Божiя, по которому въ одно мгновенiе всѣ умершiе востанутъ изъ гробовъ своихъ, а дожившiе до того времени *вдругъ* измѣнятся тѣлами своими: тѣла ихъ изъ тлѣнныхъ сдѣлаются нетлѣнными, изъ смертныхъ — безсмертными (: Кор. 15, 51, 52). А потомъ всѣ вмѣстѣ собраны будутъ предъ престоломъ Грознаго Всеправеднѣйшаго Судii — Христа..

Никто не избѣжитъ сего страшнаго „часа“: царь и воинъ, богатый и убогiй всѣ предстанутъ здѣсь „въ равномъ достоинствѣ“, какъ дѣти одного праотца, уже безъ всякихъ земныхъ видимыхъ отличiй. Всѣ и каждый будутъ исполнены трепета за свои грѣховныя язвы. Своя участь у каждаго будетъ предметомъ мыслей и трепетныхъ заботъ. Ближнiй тамъ не пожалѣетъ о ближнемъ, хотя бы и самомъ близкомъ. Ни мужъ женѣ, ни жена мужу, ни родители дѣтямъ, ни дѣти родителямъ не въ состоянiи будутъ помочь тогда чѣмъ нибудь или умолить судiю о прощенiи. Не будетъ на этомъ судѣ ни покровительства высшихъ, ни дружбы земной, ни родства или знакомства, ни пощады, ни состраданiя. О страшно, страшно есть еже впасти въ руку Бога жи-

ваго (Евр. 10, 31). Страшно даже и для вѣрующаго праведнаго человѣка, а о грѣшниках и говорить уже нечего; *аще праведникъ едва спасется*, говорить Слово Божіе, *то нечестивый и грѣшный день явится* (1 Петр. 4, 18)?

Всѣ и каждый представутъ предъ страшнымъ судищемъ, да *приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла или блага или зла* (2 Кор. 5). Предъ каждымъ „книга„ его жизни разгнется. Не будетъ, значить, ни допросовъ, ни свидѣтельствъ, не потребуются никакихъ доказательствъ преступленій, не будетъ нужды ни въ обвинителяхъ, ни въ защитникахъ: совѣсть (она и есть эта книга) откроется у cadaго изъ насъ и въ ней все увидитъ написаннымъ каждый человѣкъ — все содѣянное отъ дѣтъ дѣтства до гробовой доски, всѣ не только дѣла, но и слова, и даже тайныя помышленія... все забытое ненамѣренно, все прикрытое лукавствомъ и лицемѣріемъ, все оправданное нѣкогда нашей совѣстью. *Придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя, и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (1 Кор. 4, 5). *Всяко слово праздное, еже оше рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Матѣ. 12, 36): всякое слово, сказанное, можетъ быть, по подражанію другимъ или по увлеченію, — слово, которое мы давно сказали и давно забыли, слово, которое, мы думаемъ, исчезло въ воздухъ и пропало безслѣдно. Но нѣтъ, ничто вѣдь не пропадаетъ безслѣдно въ жизни человѣческой, ибо человѣкъ живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ. Наши слова дѣйствуютъ если не на насъ, то на другихъ... И вотъ твое гнилое, кощунственное слово, сорвавшееся съ языка у тебя неосторожно, можетъ быть, нечаянно, попало оно въ уши невиннаго отрока или неиспорченнаго юноши, повліяло на его сердце, возбудило въ немъ новыя доселѣ незнакомыя движенія страстности, нарушило его покой, его миръ душевный. Вотъ ты и становишься виновникомъ соблазна — страшнаго грѣха, за который и отвѣтъ предлежитъ ужасный. *Горе тому чловѣку чрезъ котораго соблазнъ приходитъ* (Мѣ. 18, 7). Да, страшень судъ твой, Господи, *не токмо дѣломъ испытваемымъ, но и помысломъ истязуемымъ!*

„И иная книга разгнется, которая есть книга жизни“, какъ сказано въ видѣнїи Іоанна (Апок. 20, 12). Это книга всевѣдѣнія Божїя.. Вся нага и объявлена предъ Богомъ... Отъ Него ничто утаиться не можетъ никогда. И вотъ (говорить св. Іоаннъ Златоустъ) когда мы всѣ предстанемъ страшному судищу Христову, тогда своими глазами будемъ взирать то на причиненныя нами слезы сиротамъ, то на постыдныя похоти наши, то на въздыханіе вдовиць, то на притѣсненныхъ нами убогихъ, то на похищенное у бѣдныхъ, и не только все это увидимъ, но и то, что нечестиво представляли въ мысляхъ своихъ“... да ни

Здѣсь на землѣ можно скрывать какіе угодно пороки свои, отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Здѣсь иной, какъ самъ *сатана*, умѣетъ облекаться порою *въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), а хищный звѣрь — человѣкъ можетъ являться въ одеждѣ овчей. Здѣсь коварный, сладострастный мужъ или такая же жена нерѣдко обманываютъ другъ друга наружнымъ свидѣтельствомъ взаимной любви и уваженія; сынъ — распутникъ и мотъ, или безчестная взрослая дочь, здѣсь умѣютъ иногда такъ ловко заматать слѣды своихъ преступленій; здѣсь убійцы и грабители всю жизнь иногда успѣваютъ укрываться отъ судебныхъ преслѣдованій и наказаній; здѣсь хищники, взяточники и ростовщики свободно, какъ вампиры какіе, безнаказанно сосутъ кровь изъ ближнихъ своихъ, пользуясь ихъ нуждою безъисходною или самое несчастіе ихъ дѣлаютъ для себя средствомъ къ своему обогащенію... А ужъ о мелкихъ дѣлишкахъ ежедневной купли и продажи и говорить не станемъ: кто не знаетъ, какіи иные обманщики и тати нерѣдко надѣваютъ на себя маски даже религіозности и выставляютъ предъ всѣми всякое проявленіе своего ложнаго благочестія? Но тамъ — на неумытномъ судѣ страшномъ всякія маски спадутъ, всякое лицемѣріе обнаружится, всякій порокъ выйдеть наружу, обнажится существо грѣшника предъ всѣмъ свѣтомъ: отцы и матери, и мужья, и жены, братья и сестры, родные и знакомые, всѣ, всѣ увидятъ въ истинномъ свѣтѣ тѣхъ, кого они такъ любили, для которыхъ жили, изъ-за которыхъ не жалѣли иногда ни силъ, ни средствъ, пренебрегали положеніемъ въ обществѣ, честью и самой религіей...

Величіє Судіи міра на всеобщемъ судѣ, и само въ себѣ несомнѣнное, получаетъ еще большую полноту и ясность чрезъ то, что Судія міра будетъ не одинъ, а съ Нимъ будутъ и соучастники: вопервыхъ святые ангелы, которыми окружень будетъ Судія—Христось; вовторыхъ апостолы, о которыхъ Господь сказалъ, что они сядутъ на двѣнадцати престолахъ, судить 12 колѣвъ Израилевыхъ (Матѣ. 19, 28); въ третьихъ и вообще святые люди, о которыхъ сказано у апостола, и то, что *святые будутъ судить міръ* (1 Кор. 6, 2)... Это значить вопервыхъ то, что Они обличать нечестивыхъ, которые презирали ихъ въ этомъ мірѣ, подвергали насмѣшкамъ и поношенію; ихъ небесная слава и близость ко Христу будутъ обличеніемъ для беззаконныхъ, которые могли бы получить такой же жребій и не захотѣли... А вовторыхъ и то значить, что святые, какъ члены Тѣла Христова, по самому своему внутреннему общенію со Христомъ, по участию въ Его жизни, въ Его страданіяхъ и смерти, въ Его воскресеніи и прославленіи, сораздѣляютъ съ Нимъ и судъ надъ міромъ... Святые люди вездѣ и всегдѣ должны быть *исполненіемъ*, по апостолу, *исполняющаго собою вся во всемъ*, т. е. Иисуса Христа (1 Ефес. 1, 23)...

Образъ совершенія суда представлень въ Евангеліи такими словами: „*Когда придетъ Сынъ человеческій во славу Своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолъ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ; и поставитъ овецъ по правую Свою сторону, а козловъ—по лѣвую*“ (Матѣ. 25, 31—33) *).

Это разлученіе есть слѣдствіе опредѣленія, или приговора Суда Божія, приговора, справедливость котораго неоспорима и оче-

* Наименованіями овецъ и козлищъ показываются плоды жизни и внутренняго положенія судимыхъ людей: козлища не приносятъ никакого плода (ни молока, ни шерсти) а овцы даютъ обильный плодъ для употребленія человѣку... Съ другой стороны—овецъ служитъ изображеніемъ кротости и смиренія человѣка, а козель изображ. дикаго упрямства, жалкаго эгоистическаго характера... Поставленіе лицъ судимыхъ по правую и по лѣвую сторону было обычнымъ въ судахъ еврейскихъ: предъ лицемъ судей становились обыкновенно двое судей, въ качествѣ писцовъ: одинъ по правую сторону, другой по лѣвую: по правую—для защиты и оправданія подсудимыхъ, а по лѣвую для обвиненія.

видна какъ для осужденныхъ, такъ и для всего міра: ибо грѣшники сами себя осуждаютъ грѣхами своими на вѣчное отлученіе отъ Бога и святыхъ Его. Всякій грѣхъ есть уже удаленіе отъ Бога. *Кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что сначала діаволъ согрѣшилъ* (Іоан. 3, 8). *Если кто услышитъ слова Мои и не повѣритъ, говоритъ Господь, — Я Самъ не сужу его. Отвергающійся Меня и не пріемлющій словъ Моихъ, имѣетъ судію себѣ слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день* (Іоан. 12, 44, 48).

Итакъ, значить, при жизни еще готовится наше осужденіе на вѣчныя мученія, равно какъ и оправданіе въ жизнь вѣчную... И разлученіе предъ Судією на правую и лѣвую сторону совершится какъ бы само собою, какъ необходимое слѣдствіе, какъ прямой выводъ жизни каждаго человѣка на землѣ.

Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: пріидите благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ и вы посетили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ (Матѳ. 25, 34, 36). Вотъ вы, бѣдные, смиренные труженики, рабы униженные въ семь мірѣ: васъ владѣльцы и корыстолюбцы обижали здѣсь на землѣ, заставляя работать безъ передышки для обогащенія себя; ни праздниковъ, ни постовъ не признавали для васъ, ни нуждѣ, ни горю, ни болѣзнямъ вашимъ не вѣрили, всякій просроченный день вами взыскивали съ васъ, недодавая вамъ и вашихъ жалкихъ грошей при расчетѣ; васъ презирали и тѣ высокіе и надменные умомъ своимъ книжники — мудрецы міра, которые науку превращаютъ въ средство для наживы своей и нерѣдко за тотъ же металлъ презрѣнный продаютъ и труды, и имя свое. Хорошо вы дѣлали, что несли свое иго земное терпѣливо, взяли крестъ свой и шли за Іисусомъ. За то теперь вы благословенные Отца небеснаго — взамѣнъ того, что вы скитались на землѣ, какъ странники и пришельцы, не имѣя гдѣ приклонить главу свою, — будучи,

и нерѣдко, въ трудѣ и изнуреніи, часто въ голодѣ и жадѣ, и въ зимѣ и въ наготѣ (2 Кор. 11, 27), — взаимнѣ этого вамъ уготованы обители небесныя и блага, которыхъ ни око человѣческое не видѣло, ни ухо не слышало и не приходило то на сердце человѣку (1 Кор. 2, 9).

Но не всеѣмъ бѣднякамъ и босымъ скитальцамъ уготовано благословіе Отца небеснаго, ибо многіе изъ нихъ сами себя довели до нищеты и бездомства: кто лѣностью и нерадѣніемъ, кто пьянствомъ и распутствомъ. Не будетъ мѣста въ обителяхъ небесныхъ тѣмъ изъ людей — бѣдные-ли то или богатые, низкіе-ли или знатные происхожденіемъ и положеніемъ, кои не хотѣли взять на плеча свои креста, нисносланнаго имъ Богомъ, а если и взяли, то не понесли, а бросили среди жизненнаго пути: пусть-де поднимають его другіе! Таковыя восплачуть и возрыдають!...

Но не всеѣмъ и богатымъ и сильнымъ и славнымъ въ мірѣ семь горе и погибель. Въ обителяхъ небесныхъ есть много мѣста и для такихъ, если они видѣли напр., какъ течетъ къ нимъ богатство, но не прилагали къ нему сердцецъ своихъ, не впадали въ ожирѣніе и нѣгу, не замыкались, подобно богачу въ притчѣ евангельской, въ свои личные интересы и удовольствія, а дѣлились избытками съ нуждающимися ближними своими; если стояли они высоко на лѣстницѣ земныхъ отличій и въ тоже время не отрывали глазъ своихъ отъ ближнихъ, стоявшихъ внизу и ожидавшихъ помощи и утѣшенія.

Тогда скажетъ Царь и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его: ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ страшикомъ и вы не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня (Матѣ. 25, 41 — 43).

На каждомъ шагу, постоянно, представляются случаи оказывать ту или иную милость ближнимъ: то нищимъ, не имѣющимъ куска насущнаго хлѣба, не знающимъ теплаго угла среди зимней стужи, лишеннымъ одежды, хоть сколько нибудь приличной и спо-

собной защитити отъ простуды, скитающимся изъ домовъ въ дома, или лежащимъ, подобно Лазарю, у воротъ господскаго или купческаго дома. Смотрите: иногда и псы оказываются болѣе жалостливыми, чѣмъ люди къ людямъ, къ своимъ братьямъ.

А вотъ эти несчастные братья и сестры ваши, или непосильнымъ трудомъ, или скудостію въ питаніи, или недостатками въ одѣяніи, или язвами воспитанія домашняго или примѣрами безпутными доведшіе себя до болѣзней неизлѣчимыхъ, до старости преждевременной: тѣ, кои наполняютъ наши больницы, но многіе и такіе, которымъ не хватаетъ и мѣста въ больницѣ, которыхъ и не во всякой ночлежкѣ примуть, какъ людей, совсѣмъ бросовыхъ, ни кому не нужныхъ. Или тѣ, тоже „несчастненькіе“ во-истину, которые заключены въ многоэтажномъ крѣпкомъ замкѣ, что стоитъ при въѣздѣ въ городъ: это преступники, страдающіе въ заключеніи, лишенные прежде всего самого дорогого сокровища—свободы. Пусть они виновные люди, по дѣламъ своимъ кару получающіе: но и они тѣже люди, тѣже грѣшники, какъ и мы, только подпавшіе суду и осужденію, но конечно не безъ воли на то Бога, ибо безъ Его воли и волосъ съ головы человѣческой не падаетъ, и не на погибель отданные подъ кару закона, а ради исправленія и спасенія. Не мы ли въ томъ или другомъ отношеніи виновны въ печальной судьбѣ этихъ несчастныхъ, виновны тѣмъ, что не счумѣли на нихъ повліять, подѣйствовать въ свое время, а дали имъ возможность ожесточиться, озлобиться и совершить преступленіе? Не изъ этихъ ли вотъ попрошаекъ нищихъ, нищенковъ, съ ранняго утра и до глубокой ночи бродящихъ по тротуарамъ и всякими способами выманивающихъ у проходящихъ копейки съ жалобой на то, что они сегодня не ѣли, что имъ нечего заплатить за квартиру, что у нихъ мать лежитъ больная и т. д. въ этомъ родѣ,—не изъ нихъ ли потомъ, благодаря нашему черствому, холодному разуму, благодаря неразвитости нашего сердца рождаются и вырастаютъ будущіе обитатели тюремъ и рабочіе каторги? Горе, величайшее, безвозвратное и ни съ какимъ горемъ земнымъ несравнимое горе предстоитъ грѣшникамъ, не воспитавшимъ въ себѣ любви къ ближнимъ! Горе клеветникамъ и

наушникамъ! горе льстецамъ и интригачамъ, производящимъ смуты и раздоры! горе клятвопреступникамъ и лжесвидѣтелямъ, губящимъ однихъ въ угоду другимъ! горе попирающимъ истину и правду ради ласкательства и низкопоклонства! горе тревогодникамъ и пѣницамъ, всѣхъ и все забывающимъ ради постыдныхъ страстей своихъ... имже Богъ чрево (Фил. 3, 19)! Горе блудникамъ и прелюбодѣямъ, разрушающимъ чистоту нравовъ и попирающимъ святость началъ семейныхъ, соблазняющимъ всякими способами къ разврату юныя сердца, сквернящимъ ложе законнаго брака, въ безчестіе повергающимъ благочестивое имя ближнихъ... горе всѣмъ сладострастникамъ, возлюбившимъ сласть грѣха больше чѣмъ обязанности закона вѣры и благочестія, возстановляющимъ новое идоло-служеніе Астартъ — гнуснѣйшій культъ всякаго распутства, дѣтораствлѣнія и вытравленія въ утробѣ зачатковъ нарождающейся жизни!... Ни блудники, ни идолослужители, ни воры, ни лихоимцы, ни пѣницы, ни хищники царствія Божія не наследуютъ (1 Кор. 6, 9—10). *И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную* (Матѣ. 25, 46).

Вѣчная мука и вѣчная жизнь: о, какое одно — грозное и страшное, а другое — отрадное, вождельнное слово! Но и то и другое не только будетъ сказано въ послѣдній день и часъ кончины вѣка, но и исполнится во всей силѣ. Для однихъ, т. е. праведниковъ послѣ страшнаго суда начнется вѣчная блаженная жизнь — вмѣстѣ съ сонмами ангельскими, предъ Лицемъ Владычицы — Пресв. Дѣвы Маріи, въ ближ. общеніи съ Самимъ Источникомъ блаженства — Тріипост. Богомъ, ибо Богъ тогда *будетъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28)... И это будетъ не блаженство покоя и бездѣйствія... Нѣтъ, это будетъ блаженство жизни дѣятельной, съ постепеннымъ укрѣпленіемъ въ духовномъ совершенствѣ и все большимъ и большимъ воспріятіемъ духовныхъ благъ и радостей нескончаемыхъ и теперь по-истинѣ неизрѣченныхъ. А для грѣшниковъ наступитъ мученіе безконечное — въ мѣстѣ вѣчной тьмы, гдѣ нѣтъ совѣтъ свѣта, нѣтъ и жизни человѣческой... гдѣ дѣвольская жизнь, непрестанное томленіе духа и терзаніе совѣсти, плачь постоянный и скрежетъ нестерпимый зубовъ...

О, Боже мой, Боже! Страшенъ судъ Твой для насъ всѣхъ, окаянныхъ, валяющихся въ страстяхъ своихъ, для cadaго грѣшника, непрестанно оскорбляющаго грѣхами своими правду Божию... Даже великіе подвижники, всю жизнь свою посвятившіе на служеніе Богу, и тѣ не иначе, какъ съ трепетомъ и ужасомъ представляли себѣ на память страшное судище Христово. Вотъ напр. что говорить въ своихъ писаніяхъ преп. пустынный Ефремъ Сиринъ: „Когда я вспоминаю объ этомъ послѣднемъ часѣ, то страхъ и трепетъ меня поражаетъ тогда; скорбь и ужасъ сжимаютъ всѣ члены мои, и я весь изнемогаю, при мысли объ этомъ. Слезы горькія струятся изобильно изъ очей моихъ, мой голосъ слабѣетъ; уста мои смыкаются; языкъ цѣпенѣетъ и вся мысль моя теряется совсѣмъ... О, кто опишетъ эту грозную картину славнаго и страшнаго пришествія Господня для всеобщаго суда! какой языкъ все это выразить словами, и какой умъ все это совмѣститъ въ себѣ“?...

Суда Твоего, Господи, боюся, и муки безконечныя, злое же творя не престаю: Тебя, Господа моего прогнѣваю, и Пречистую Матерь Твою, и вся небесныя силы, и св. Анг.-Хранителя моего. Въмѣ бо, Господи, яко недостойнъ есмь челоувѣколюбія Твоего, но достоинъ есмь всякаго осужденія и муки. Но Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя... На мнѣ грѣшномъ удиви неисчетную милость Твою. *Аминь.*

Протоіерей *Н. Боголюбскій.*

КЛАДБИЩЕНСКІЯ НАДПИСИ.

Въ одинъ осенній полуденный часъ скучное и непривѣтливое наше городское кладбище оживилось непривычнымъ говоромъ зеленой молодежи. Десятка два подростковъ — учениковъ одной изъ многочисленныхъ школъ нашего города разсыпались по могиламъ и, аукаясь и окликаая одинъ другаго, чтобы не растеряться, перечитывали надписи, которыми любящіе потомки почтили память почившихъ предковъ. Юноши на этотъ разъ были довольно легкомысленны: ни печали, ни сожалѣнія не замѣтно было на ихъ лицахъ, быть можетъ потому, что ни у кого изъ нихъ не было

здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, а быть можетъ и потому, что никому изъ нихъ и въ голову не приходила мысль о смерти: каждый былъ увѣренъ, что ему никогда не придется умирать, что общій законъ „всѣ люди смертны“ написанъ только на страницахъ учебника логики. Счастливая молодость! Трогательная вѣра даже въ несбыточные мысли!

Воспитанная на правилахъ грамматики и синтаксиса, молодежь отправилась отыскивать на памятникахъ грамматическія ошибки: гдѣ ѣ не на мѣстѣ поставлено, гдѣ е вмѣсто и, гдѣ буква пропущена. А намъ, людямъ уже „видавшимъ виды“, рисовались другія картины. Предъ нами воскресали въ воспоминаніи населенныя кладбище десятки и сотни нашихъ бывшихъ знакомыхъ. Три—пять лѣтъ тому назадъ все были живые, полные бодрости и силъ общественные дѣятели. Теперь — не осталось и слѣда отъ ихъ энергіи. Вотъ лежитъ фабрикантъ, всю жизнь свою строившій и совершенствовавшій заводы и фабрики. Громадный чугунный памятникъ стоитъ на мѣстѣ его угасшей жизни. Рядомъ покоится блестящій ораторъ, услаждавшій рѣчами своими скучающую толпу, опытный юристъ и тонкій психологъ. Еще дальше — писатель, представитель нашей мѣстной прессы. Рѣдко посѣщавшіе въ жизни храмъ Божій, всѣ они улеглись вблизи церкви, чтобы хотя послѣ смерти „восполнить пропущенное“. Чинныя и краткія надписи на роскошныхъ и дорогихъ могильныхъ памятникахъ глядятъ объ ихъ мірскихъ заслугахъ: „дѣйствительный статскій совѣтникъ, генераль-майоръ, коммерціи совѣтникъ“... а большіе портреты ихъ, украшенные орденами, даютъ на моментъ забыть, что всѣ они богатые и нищіе — равны на этомъ обширномъ погостѣ. Величественные и недоступные при жизни, они и теперь покоятся нѣсколько вдали отъ мірскихъ людей: крѣпкія чугунныя рѣшетки не пускаютъ близко къ памятникамъ ихъ любопытнаго зрителя.

Дальше отъ церкви похоронены люди простые. Но и это все тоже — наши знакомые. Десять — двадцать лѣтъ тому назадъ мы почти каждый день встрѣчали ихъ на улицахъ; у многихъ изъ нихъ покупали книги, одежду, необходимыя и ненecessary вещи; многихъ видали въ „палатахъ“ и присутствіяхъ; многихъ

встрѣчали на именныхъ и званыхъ обѣдахъ, вечерахъ, общественныхныхъ собраніяхъ; съ многими бранились, многихъ ненавидѣли и презирали и нѣкоторымъ даже — скорѣе желали смерти. Еще дальше — ближе къ оградѣ — лежать совсѣмъ ужь маленькіе люди: на краю кладбища свѣжая могила старухи — нищенки, жившей на счетъ нашего квартала; рядомъ съ ней положенъ внучекъ, учившійся въ одной изъ нашихъ школъ и умершій минувшей зимой отъ скарлатины. Неподалеку отъ нихъ — знакомый столяръ, перебивавшійся съ хлѣба на квасъ и жившій впроголодь въ подвалѣ съ своей громадной семьей. Родная рука посадила березку на его одинокой могилѣ... И... сколько ихъ! Все стотысячное населеніе города за тридцать — сорокъ минувшихъ лѣтъ, — всѣ сюда переѣхали...

Мирная, созерцательная мысль наша неожиданно прервана была раздражающими душу слезами. Недалекъ отъ насъ плакала мать надъ могилой умершаго сына... Рыданія все больше и больше усиливались. Бѣдная женщина въ молитвенной позѣ почти упала надъ могилой и не могла слова выговорить за душившими ее слезами... Притихли и наши юноши, вслушиваясь въ непривычные звуки печали. Языкъ сердца и имъ навзроть разъ понятнѣе былъ языка ума и во-очію видѣли всѣ они, что въ жизни — таинственной и неизвѣстной есть нѣчто большее, чѣмъ ихъ грамматика. Забывъ безграмотныя надписи, собрались они всѣ въ одну группу и пошли дальше — вмѣстѣ съ нами считать кладбищенскія слезы. Неблагодарная была наша работа на первый разъ. Мало видѣли мы чувства на шаблонныхъ, дѣлаемыхъ на заказъ могильныхъ памятникахъ. Если и встрѣчались иногда на нихъ слѣды минувшаго горя, то они были выражены или словами поэта, всѣмъ давно извѣстными, или домашними бѣлыми стихами мастера — гробовщика, который можетъ сочинить или списать съ книжки что угодно за извѣстную плату. Слезы поэта давно высохли; слезъ гробовщика и вовсе не было: привыкъ гробовщикъ къ своему ремеслу; нѣтъ для него грустнаго похороннаго чувства.

Идемъ отъ памятника къ памятнику и подъ рядъ читаемъ надписи на десяткахъ и сотняхъ крестовъ разной формы и вели-

чины: больших и маленьких, бѣлыхъ, красныхъ, синихъ, зеленыхъ и, среди цѣлаго лѣса крестовъ, не находимъ ничего такого, на чемъ замѣтно было бы сильное горе. Наконецъ, въ крестахъ ветель и шиповника, видимъ маленькій крестикъ, жестяной, выгнутый, окрашенный бѣлой краской съ синими жилками. На могилѣ около него положены три копѣйки — нищимъ на поминовение — и рядомъ съ нею насыпаны зерна пшеницы для прилетающей сюда птицы небесной. Вѣтви деревьевъ свѣсилась низко надъ могильнымъ памятникомъ.

— Уютный уголокъ! замѣчаетъ старшій изъ нашихъ юношей. И на томъ свѣтѣ хорошо жить тѣмъ, кого любятъ.

Подходимъ ближе къ памятнику и читаемъ — безграмотными, неразборчивыми буквами написано: „отецъ и мать нѣжили тебя и ласкали. Но вдругъ потемнѣла ты, и теперь только въ переднемъ углу предъ иконой свѣча горить, дочка лежитъ въ переднемъ углу, точно спитъ. Въмѣсто колыбели — бѣлый гробъ. Хорошо во гробѣ: горя не будешь знать, но отецъ и мать остались сиротами, будутъ плакать и рыдать. Ты будешь здѣсь спать, а мы придемъ къ твоей могилѣ хладной, съ горемъ и тоской... Встань, открой свои глазки. Мы у могилы, а съ неба дождь льетъ и холодъ знобитъ. А у твоей могилы ангель стоитъ. У тебя другая мать: Матерь Божія тебя хранить“

Надпись сдѣлана почти — женскимъ почеркомъ и едва ли гробовщикъ писалъ ее. Судя по тщательности, съ которою выведены буквы, можно думать, что слова написаны любящей рукой... Чья это рука и кто эта сердобольная мать, которая приходитъ сюда, на эту могилу въ дождь и холодъ и на яву почти видитъ ангела, охраняющаго вѣчный покой ея умершей дочки; — не отыщешь среди стотысячнаго населенія города. За громадными стѣнами дома не услышишь ея тихихъ рыданій. Вотъ если бы погуще была здѣсь тѣнь ветель, окружающихъ могилу, чтобы не видно было челоуѣка, състь бы въ нихъ да подождать, пока придетъ сюда любящая мать, да *подслушать* ея слезы. Это, чтобы можетъ, единственный разъ въ жизни, когда не грѣхъ подслушивать рѣдко еще когда вибудь услышишь такой урокъ... Да приди бы сю-

да вмѣстѣ съ писателемъ или пѣвцомъ. Пѣвецъ переложилъ бы на ноты эту печальную мелодію въ смягченіе сердца „злыхъ чело-
вѣкъ“.

Идемъ дальше. Читаемъ: другая мать тоскуетъ, что „стонъ и слезы не воскресятъ ея безвременно умершаго сына“ и успокаиваетъ себя надеждой, что „рано или поздно соединимся всѣ“ и что „недалеко уже время, когда и надъ ней услышать погребальный звонъ“. На крестѣ приписка: „можетъ быть кто изъ близкихъ прочтетъ этотъ стихъ, можетъ кто изъ странныхъ со слезою чистою прочтетъ“... Трудно думать, однакожъ, чтобы нашлись на свѣтѣ чистыя души—хотя и „странныя“, оставившія міръ,—чтобы въ такой же степени больно чувствовать горе утраты, какъ мать, потерявшая сына.

Еще дальше. Многострадальное сердце успокоилось подъ десяткомъ положенныхъ въ кучу кирпичей. Мѣдная икона на ветхомъ, потемнѣвшемъ отъ времени крестѣ. Вверху воткнутъ зачѣмъ-то маленькій гвоздь и кусокъ веревки на немъ: очевидно, что было что нибудь привѣшено. Надпись стерлась. Едва-едва можно прочитать слова старухи (быть можетъ теперь уже умершей) о томъ, что положенной тутъ дочери ея „далась горькая доля до могилы терпѣть“ и что она „безропотно несла свой крестъ, не желая зла людямъ и не видя ихъ привѣта и участія“... Прозаичная, обыденная надпись, но не всѣмъ же облекать въ поэтическія краски свою глубокую печаль... Нѣсколько шаговъ въ сторону— и вновь сквозь материнскія слезы слышится полудѣтская пѣсенка. Поетъ мать надъ украшенной цвѣтами могилой: „Солнышко сіяетъ, въ зелени вѣнковъ птички распѣваютъ. Пчелы надъ цвѣтами. Вѣтерокъ лепечетъ зелеными листьями. Встань, полюбуйся. Всталъ бы ты—нѣтъ воли. Тѣсный домъ твой прочтѣнь. Выходъ на свѣтъ Божій крѣпко заколоченъ. Спи, родной, едва-ли стоитъ просыпаться, на людское горе сердцемъ надрываться. Сонъ твой, сонъ отраднѣй. крестъ и камень бѣлый надъ твоей могилой солнышко пригрѣло. Перелетныя птицы прилетѣли, пѣсни поютъ. Родные придуть, и тебя нашъ ангелъ по вѣки не забудеть“.

Наконецъ, одна за другою, встають въ воображеніи двѣ бѣдныя крестьянскія женщины: одна на послѣднія средства соорудила своему четырехлѣтнему сыну бѣлый крестъ и проситъ принять его, какъ символъ „вѣры и любви святой“, другая спѣшитъ подѣлиться со всѣмъ міромъ своею скорбью объ утратѣ сына — первенца. Нѣчто подобное мы встрѣчали въ разсказѣ Короленко „Пріемышь“.

Не всѣ, однакожь, кладбищенскія слезы въ такой степени чисты и безкорыстны. Есть немало и здѣсь той неискренности (хотя, можетъ быть и безсознательной), которой переполненъ весь міръ. Вотъ, напр., предъ нами могила бѣднаго діакона, умершаго въ холерный годъ. Жена его, оставшаяся сиротою, клятвенно увѣряетъ его въ безконечной любви и вѣчной памяти и... однакожь какое жалкое зрѣлище представляетъ эта могила. Памятникъ полуразрушенъ и покосился, могильная насыпь сравнялась съ землей и поросла бурьяномъ. Некогда, очевидно, вдовѣ посѣтитъ своего бывшего кормильца. Дальше „нѣжный супругъ“ поставилъ женѣ своей памятникъ съ оградой и начерталъ большими буквами слова надежды на память вѣчную и на общеніе даже за гробомъ и... не прошло и пяти лѣтъ, какъ памятникъ облинялъ и разбитъ до основанія, ограда, которою онъ обнесенъ, рассыпалась и на могилѣ выросла крапива вмѣсто цвѣтовъ. Гдѣ этотъ нѣжный супругъ?...

Есть по мѣстамъ и корыстныя слезы. Вдовы, оставленныя безъ всякихъ средствъ къ существованію, плачутъ не о томъ, что потеряли любимыхъ мужей, а о томъ, что мужья оставили имъ дѣтей и не оставили денегъ.

Есть, наконецъ, многое множество „безкрестныхъ могилъ“, забытыхъ покойниковъ, имена коихъ „Ты, Господи, вѣси“.

Смутныя чувства тѣснились въ нашемъ сознаніи, когда, послѣ осмотра кладбища, мы подходили къ дальней оградѣ. По упавшимъ и сгнившимъ крестамъ мы видѣли, что забвеніе сильнѣе памяти, — что и самая память объ умершихъ иногда растворяется мірскими заботами: многіе составители эпитафій пишутъ *о себѣ*, а не о тѣхъ сильныхъ, быть можетъ, и честныхъ труженикахъ,

которые здѣсь похоронены. Но мы всё на этотъ разъ поняли и въ глубинѣ души прочувствовали слова поэта, который писалъ: „Однѣя въ мірѣ подсмотрѣль твоихъ слезъ, святая, искреннія слезы.“

То слезы бѣдныхъ матерей. Имъ не забыть своихъ дѣтей, Какъ не поднять плакучей ивъ своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Изъ ограды обширнаго кладбища мы вышли на вольный просторъ. Впереди, на безконечное пространство, раскинулась необозримая степь, — вблизи — нѣсколько обывательскихъ домиковъ, со всей неприглядностью и грязью бѣднаго жилища. На площади стадо свиное: животныя съ ожесточеніемъ отыскиваютъ себѣ пищу. Направо — громадный заборъ и „ворота тесовыя“. Глухое мѣсто! Путеводитель нашъ, знающій здѣсь все входы и выходы, подошелъ къ высокой калиткѣ раскольничьяго кладбища и щелкнулъ ручкой задвижки: — Крѣпко! Не пускаютъ!

Всѣ остановились въ раздумьи. Вотъ что бы то ни стало, надо побывать и здѣсь. Пошли вдоль ограды, въ надеждѣ, что найдется гдѣнибудь еще калитка, чрезъ которую можно будетъ пройти „во внутрь двора“. По мѣрѣ того, какъ мы шли, заборъ смѣнялся изгородью — сначала высокой, потомъ выже и ниже и наконецъ окончился воротами, привѣтливо пропустившими нашу толпу.

Раскольничье кладбище — просторное, чистое и совершенно мертвое. Тоже самое, что и жизнь старообрядческая: все вылилось въ опредѣленную форму, да такъ и замерло, не двигаясь дальше. Нѣтъ ни проблеска живого человѣческаго чувства. Можно подумать, что если здѣсь и плачутъ надъ умершими, то выражаютъ печаль свою необычноу рѣчью, а какойнибудь псалмой или какимънибудь стихомъ. Немного жутко, страшно въ незнакомомъ мѣстѣ... Могильныя надписи всё носятъ правоучительный характеръ... Съ неослабѣвающимъ интересомъ читаемъ ихъ въ тишинѣ и безмолвіи. „Рцы пнѣ, братіе, къ намъ, камо идеши отъ насъ молча, провѣшай обращаешь, утоли и утѣши матерь

плачущся, и друговъ виждь плачь, и слезы точащихъ за тя. Гдѣ нынѣ родъ и друзи, се разлучаемся воистину суета человѣческая. Азь ко Господу и Богу судиі моему иду. Судищу предстати, отвѣтъ твоя о дѣлѣхъ своихъ. Нынѣ вси тѣлесныи уди праздни являються, недвижими и мертви, не чувственныи и всѣмъ неключими. Руцѣ и нозѣ связана бывша, очи заидоста и слухъ съ нима, языкъ молчаніемъ заграждается и гробу предается, воистину суеть человѣческая. Егда душа отъ тѣла нуждею разлучается, восхищена страшными ангелы, забудеть чужихъ и знаемыхъ, отца и мать и други вся, токмо печется о страшномъ судилищѣ, како предстати Господеву. На другомъ памятникѣ читаемъ: „Приидите на гробъ братіе, видимъ персть и разумѣемъ, кій рабъ тамо черіе растлища, знаемъ ли кій, убогъ или богатъ или кій владыка или свободный, не вси-чи пепель, доброта согни и юность и цвѣтъ“.

Невдалекѣ на громадномъ, двухсаженномъ крестѣ написано: „Любимые мои дѣти къ памятному кресту моему приходите, поминовеніе о душѣ моей творите, у Судіи праведнаго милости обомимъ просите, чтобы мнѣ быть освобожденному отъ вѣчной муки. Не печальтесь о моей разлукѣ. Съ вами мнѣ самому не желалось разстаться, но пришелъ грозный посланникъ отъ Судіи праведнаго, позвалъ меня немилостиво къ отвѣту о содѣланныхъ дѣлахъ моихъ ко временной жизни; вы на памяти имѣйте до конца вашей жизни, любимые мои дѣти, я за это прошу васъ о грѣхахъ моихъ у Праведнаго Судіи милостиваго прощенія“.

Точно камень тяжелый свалился съ плечъ, когда мы, послушные вечернему звону церковнаго колокола, оставили это холодное мѣсто плача. Въ холодномъ воздухѣ „слышалось долго гудѣнье“ призывныхъ звуковъ, и мы спѣшили къ своимъ учебнымъ занятіямъ, усталые, въ созерцательномъ настроеніи. Когда проходили мимо дома священника, старшій изъ насъ, совершенно неожиданно для остальныхъ, прервалъ царившее дотолѣ глубокое молчаніе.

— Интересно на кладбищѣ. Вотъ бы меня сюда въ батюшки опредѣлить: я бы книгу завелъ подъ заглавіемъ: „Кладбищен-

ская психологія“ и сталъ бы описывать людское горе. Большая бы книга вышла“.

Скептически настроенная и протестующая молодежь поспѣшила не согласиться съ мнѣніемъ „оригинала“ и увѣряла его, что привыкъ бы онъ къ кладбищенскимъ впечатлѣніямъ и половину пересталъ бы видѣть. „Зрѣніе“ бы притупилось, — говорили ему.

— Въ самомъ дѣлѣ, согласились мы съ предприимчивымъ юношей, нигдѣ нельзя видѣть душу человѣческую въ такой неприкосновенности, какъ на кладбищѣ, да развѣ вотъ еще на сѣдномъ вокзалѣ, или на пароходской пристани, гдѣ иногда люди не успѣваютъ спрятаться или на свободѣ высказываются, потому что ихъ не подслушиваютъ ни родные ихъ, ни знакомые. Не придется послѣ „отвѣчать“ за неосторожныя рѣчи.

Черезъ пять минутъ мы дружно шагали домой. Путь лежалъ въ гору, откуда открывался видъ на громадное кладбище, на городъ, окаймленный рѣкой и на службы станціи —ской желѣзной дороги. Уставшіе отъ подъема, мы остановились отдохнуть и посмотреть на растилавпіеся предъ нами „камни и зданія“. Воображеніе рисовало далекое будущее. Припоминались слова древняго поэта:

Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ высокая Троя...

Наступитъ когданибудь и для этого города день, когда онъ сравняется съ землей, а на мѣстѣ стараго кладбища раскинется широкое хлѣбное поле. Когданибудь, взрывая дождями ниву, выкопаетъ здѣсь пахарь своимъ громаднымъ плугомъ человѣческой черепъ и, испугавшись и набожно крестясь, поспѣшитъ снова зарыть его въ землю. Чей это черепъ? Чьи кости истлѣли въ землѣ? — онъ не скажетъ, потому что ничего не знаетъ о минувшей жизни... Да еще, много вѣковъ спустя, найдетъ археологъ засыпанный землею могильный склепъ, призоветъ каменьщиковъ и будетъ копать старое кладбище, — положить всѣ усилія ума своего на то, чтобы воскресить давно умершую жизнь. Глубоко задумается умный ученый надъ какимънибудь крестикомъ или кольцомъ, найденнымъ на мѣстѣ когда то бывшихъ могилъ и... со-
знать свое безсиліе заглянуть въ минувшее.

А солнце и тогда по прежнему будетъ свѣтить надъ этой равниной, и тогда можетъ быть еще краше, чѣмъ теперь. Также въ ту пору выростеть здѣсь ветла и лопухъ и также будетъ блестять и зеленѣть подъ лучами солнышка омытое дождекомъ зеленое поле. Снова нарядится въ пестрый коверъ цвѣтовъ старое кладбище и вновь прилетитъ малиновка на мѣсто бывшихъ могилъ, съ своею весеннею пѣсней... Будутъ ли въ ту пору потомки предковъ, здѣсь похороненныхъ лучше и добрѣе или все останутся такими же скучными, холодными, замкнутыми, — кто ихъ знаетъ. Мы не доживемъ съ вами, читатель, до той поры.

В. Казанскій.

ЕЩЕ СТРАНИЧКА ПО ПОВОДУ ПРИѢЗДА О. ІОАННА ВЪ САМАРУ.

Прочитавъ въ 3 № Епарх. Вѣдомостей статью: „Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ Самарѣ“ я, къ сожалѣнію, не нашелъ въ ней о посѣщеніи имъ церкви Маріинскаго пріюта сиротъ воиновъ, а это оч. дорого для насъ. Винавать всему я: своевременно не сообщилъ объ этомъ редакціи. Прошу занести еще нѣсколько строкъ къ описанію пребыванія о. Іоанна въ Самарѣ.

19 января я, строительница храма Н. И. Шахларева и староста церкви А. И. Егоровъ отправились въ Казанско-Богородицкій соборъ просить о. Іоанна посѣтить храмъ при Маріинскомъ пріютѣ дѣтей воиновъ. Получивъ согласіе о. Іоанна, мы его ждали до 2-хъ часовъ, но онъ изъ богадѣльни Константинова проѣхалъ въ домъ начальника губерніи и наши ожиданія были безъ успѣха. — Что дѣлать? — задавали мы себѣ вопросъ. И общій отвѣтъ получился — ѣхать къ 4-мъ часамъ и просить вторично. Отправился я съ г. Егоровымъ и когда настало время видѣть о. Іоанна, онъ быстро подошелъ къ Егорову, благословилъ, положилъ ему руки на плечи и спросилъ „какъ ваше имя“? „Что вамъ нужно“? и выслушавъ нашу просьбу, быстро сказалъ: „буду, буду“... Мы не смѣли сказать когда, но у обоихъ насъ было желаніе выяснить себѣ когда-же онъ будетъ? Поворочивается въ нашу сторону говорить, какъ бы предъугадавъ наше дальнѣйшее желаніе:

„ну, ныѣ, такъ ныѣ“... (между 5 — 6 ч. веч.) и мы съ нетерпѣніемъ ждали до $1\frac{1}{2}$ 7-го ч. при полномъ освѣщеніи храма и огромномъ стеченіи народа. Около $6\frac{1}{4}$ прѣзжаетъ нашъ ходатай г. Егоровъ предупредить насъ, что сейчасъ будетъ. Оживились мы и зажгли свѣчи въ рукахъ маленькихъ дѣтей; но второе появленіе нашего старосты показало намъ, что мы прождали напрасно. Съ печальнымъ лицомъ и, какъ говорится, съ опущенными руками объявляетъ нашъ ходатай: „усталь, не могу, говор. о. Іоаннъ“, и мы опечаленные стали молиться Богу. Началась всенощная. Такъ въ печали и на другой день (20 янв.) начали литургію.—Знать ужъ мы больео грѣшны, что нашъ любимый Кронштадскій пастырь не осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ! такъ говорили мы себѣ.—Наше скорбное настроеніе вскорѣ исчезло: отъ Константинова сообщаютъ: „о. Іоаннъ будетъ въ пріютскомъ храмѣ послѣ освященія придѣла въ за-Самарской слободѣ“. И мы были увѣрены и спокойны, что теперь только настало время посѣщенія насъ—сиротъ о. Іоанномъ. Хотя объ этомъ народу не было объявлено, но чуткія сердца почитателей о. Іоанна подмѣтили, что мы себя почему-то ведемъ особенно и, должно быть, готовимся къ приему дорогого батюшки.— Долго ждать не пришлось: въ $1\frac{1}{2}$ 1 ч. извѣстили: „ѣдетъ! ѣдетъ!“.. У всѣхъ сердца забились и мы отъ восторга не знали за что взяться. Печаль наша въ радость преложися. Была приготовлена чаша съ водой и зажженными свѣчами, а также и освященная вода въ другомъ сосудѣ, на случай. Такъ сообщено было отъ Константинова, чтобы то и другое было. Настала великая минута!... Я и церковный староста дорогого батюшку подъ руки ввели въ храмъ, за нимъ слѣдовали гор. голова г. Неклютинъ и А. И. Константиновъ. Дѣти дружно заѣли: „Правило вѣры и образъ кротости“... От. Іоаннъ перекрестившись направился къ алтарю. Въ это время въ слезахъ радости подошла было къ нему строительница храма, но толпа „чуткихъ сердець“ отгѣснила ее, онъ пошелъ между дѣтей пріютскихъ простирая имъ свои руки, говорилъ: „здравствуйте милыя дѣточки, здравствуйте!“ У всѣхъ на глазахъ были слезы. Дружный въ началѣ дѣтскій хоръ къ концу

тропаря сталъ слабѣть, каждая дѣвочка чувствовала, что ей что-то мѣшаетъ пѣть, горло сдавливало... Кромѣ того, хотѣлось поцѣловать руку о. Іоанна. Войдя въ св. алтарь, о. Іоаннъ всталъ на колѣни и въ глубокомъ благоговѣннн простоялъ нѣсколько секундъ предъ св. престоломъ, поцѣловаль, потомъ сталъ здороваться: „А!! Это вы здѣсь священникомъ? Сколько сиротъ“?... благословиль всѣхъ, находящихся въ алтарѣ, а также колѣнопреклоненную въ слезахъ храмоздательницу, вышелъ въ сѣверную дверь и, ставъ у столика съ водой, сказалъ: „Благодарите Бога, дѣти, что на- шлись добрые люди, которые построили для васъ такой прекрас- ный храмъ. Счастливы вы, что въ немъ можете возносить свои чистыя молитвы къ Создателю нашему Богу о своихъ благотво- рителяхъ и о себѣ. Молитесь, не забывайте Бога, это наша всѣхъ святая обязанность. Освятимъ краткимъ освященіемъ воду“.

Я открылъ царскія врата и подалъ епитрахиль. О. Іоаннъ съ поднятыми руками прочитавъ про себя молитву, сталъ освя- щать воду; погружая св. крестъ, громко произнесъ „Спаси, Госпо- ди, люди твоя“... и дѣти запѣли тропарь. Затѣмъ, на эктениі по- мянувъ дѣтей — отроковицъ и всякаго возраста живущихъ въ домѣ семъ, кончилъ отпускомъ краткій молебень. Одна изъ дѣвочекъ подала ему просфору.

Счастливъ я, кажется, больше всѣхъ: мнѣ пришлось видѣть о. Іоанна 20 числа четыре раза: у себя храмѣ, въ одномъ изъ домовъ жителей Самарскихъ, въ Епархіальномъ училищѣ и про- водить его на вокзалъ.

Дѣти пріюта отъ радости плакали, это тѣ дѣти, кои созна- ютъ, что дѣйствительно о. Іоаннъ дорогой батюшка для всѣхъ чадъ церкви. Глубокое впечатлѣніе оставилъ въ насъ о. Іоаннъ своимъ хожденіемъ предъ Богомъ. Онъ вмѣсто да, нѣтъ говорить: „буду, посѣщу... хоть бы такъ посѣтить!.. не могу!“... и опять его мысль обращена куда-то, чѣмъ-то онъ занятъ. Къ Богу она обращена, Богомъ онъ занятъ. Такое я вынесъ впечатлѣніе и такъ оно есть въ дѣйствительности съ нимъ: удѣляя для назиданія че- ловѣка, для привѣтствія нѣсколько мгновеній онъ сейчасъ же, быст- ро, какъ молнія, отдаетъ себя *всему* размысленію о Богѣ, а

когда говорить, то его обращеніе къ людямъ опять о Богѣ, и всегда, ежеминутно, ежесекундно предъ Богомъ, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца.

За его великое къ намъ благоволеніе (посѣщеніе насъ сиротъ) дѣти пріюта на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ о немъ молятся. Многая лѣта тебѣ, образъ благочестія и примѣръ вѣры!!!

Свящ. *Леонидъ Краснослободскій.*

Мистикъ Иванъ Алексѣевъ Чуриковъ, и вліяніе его мистическихъ бредней на народную массу.

(О кончаніе).

Чуриковъ, насколько его личность выяснилась по извѣстнымъ о немъ даннымъ, есть, несомнѣнно, заблуждающійся въ дѣлѣ вѣры человекъ, настойчиво стремящійся провести свои неправыя убѣжденія въ жизнь, и не столько въ свою личную, сколько въ жизнь окружающихъ его лицъ. Религіозное заблужденіе его, какъ самостоятельное, стоящее внѣ всякаго сторонняго вліянія, не можетъ быть подведено ни подъ какой опредѣленный видъ существующаго сектантства, но оно, очевидно, мистическаго характера и явилось, какъ результатъ случайной, временной мистической настроенности Чурикова, которая легко нашла себѣ сочувственный отзвукъ со стороны подобныхъ же Чурикову лицъ, причемъ послѣдній, въ силу неожиданнаго, выпавшаго на его долю успѣха, въ смыслѣ неотразимаго вліянія его проповѣди на окружающую среду, естественно пришелъ въ самообольщеніе и въ немъ, безъ всякаго насилія для своей совѣсти, нашель полное самооправданіе себѣ, имѣя возможность объяснить совершившуюся въ его жизни перемѣну провиденціальнымъ предуказаніемъ ему свыше стать проповѣдникомъ истины, съ правами и авторитетомъ апостольскаго служенія, какъ онѣ изложены въ евангеліи и апостольской исторіи, и какъ онѣ ихъ понималъ самъ, что неизбѣжно должно было привести его къ полному и открытому разрыву съ Богоустановленною церковію. Но такъ какъ переломъ въ душевной жизни Чурикова произошелъ не по религіознымъ мотивамъ, а по чисто житейскимъ

обстоятельствамъ, то онъ не вошелъ въ связь ни съ какой сектантской общиной и на первыхъ порахъ не имѣлъ поводовъ становиться въ прямую, открытую оппозицію церкви. Съ другой стороны, пока духовенство не оказывало ему противодѣйствія, и гражданская власть оставляла его въ покоѣ, Чуриковъ въ своей реформаторской дѣятельности надѣялся поставить себя въ такое положеніе, чтобы можно было идти съ ними рука объ руку, самому пользуясь безусловнымъ авторитетомъ древнихъ исповѣдниковъ вѣры, а послѣднимъ предоставляя быть послушными исполнителями его воли. Когда же духовенство отказалось отъ его услугъ; а гражданская власть приняла обычныя мѣры противъ его произвола и самозванства, онъ, въ своемъ положеніи непризнаннаго проповѣдника, современное состояніе общества уподобилъ отживавшей свое время іудейской синагогѣ, когда фарисеи и книжники, сидя на Моисеевомъ сѣдалищѣ, сами не входили и отъ другихъ запирали двери царствія небеснаго, — когда за слово истины проповѣдники заключались въ темницы, — когда, убивая праведниковъ, думали тѣмъ службу приносить Богу. А такимъ праведникомъ и являлся въ своихъ глазахъ и въ глазахъ ослѣпленной общины Чуриковъ, избравшій предметомъ своей проповѣди обличеніе такихъ пороковъ современнаго общества, которые были у всѣхъ на виду и прямо бросались въ глаза каждому, напр. пьянство, распутство, страсть къ наживѣ и роскоши, грѣховныя привычки къ соблазнительнымъ удовольствіямъ, маловѣріе и даже безвѣріе. Въ благихъ порывахъ предполагалось все: и знаніе дѣла, и умѣніе исполнить его и право на апостольство, и достоинство проповѣдника. Когда же неразумнымъ порывамъ предъявлены были необходимыя требованія законности, то Чуриковъ и объявился въ настоящемъ своемъ видѣ: въ своемъ озлобленіи противъ представителей законности онъ пренебрегъ первой обязанностію истиннаго христіанина, послушаніемъ церкви, и тѣмъ воочію доказалъ сознательную преступность въ преслѣдованіи намѣченной имъ дѣли. Онъ уже не послушный сынъ церкви и тѣмъ болѣе не подвижникъ вѣры и благочестія, какимъ въ самообольщеніи мнитъ себя, и въ чемъ старается увѣрить другихъ, а религіозный мечтатель, пытающійся основать свою цер-

ковъ, безъ іерархіи и безъ таинствъ. Практическая его дѣятельность, и собственноручныя домашнія записи, составляющія плодъ его религиозныхъ убѣжденій и нравственныхъ правилъ, ясно свидѣтельствуютъ, что онъ не только самъ по себѣ сектантъ, но глава и распространитель новой, своеобразной, *имъ самимъ формируемой секты*, удобную почву для которой онъ успѣшно находитъ среди тѣхъ, по вѣрѣ православныхъ, но или отъ природы, или, въ силу сложившихся обстоятельствъ жизни, экзальтированныхъ лицъ, душевное равновѣсіе которыхъ нарушено, и которые, подъ давленіемъ временныхъ несчастій, становятся неспособными разбираться въ предлагаемыхъ имъ средствахъ спасенія и почти безотчетно вѣрятъ всему случайному, что хотя отчасти совпадаетъ съ ихъ страстнымъ какимъ-либо желаніемъ, или внутреннимъ душевнымъ настроеніемъ. Такихъ лицъ масса и въ низшихъ, и въ высшихъ слояхъ современнаго русскаго общества. Подобныя лица какъ бы нуждаются въ самообманѣ и невольно, безотчетно сами стремятся къ нему: слабые волей, малодушные, маловѣрные, они ищутъ для себя какого-либо внѣшняго авторитета, способнаго пережить ихъ состояніе, находиться при нихъ безотлучно и личнымъ своимъ присутствіемъ цѣлить ихъ душевныя раны; словомъ, они нуждаются въ данный моментъ въ Чуриковыхъ, — и Чуриковы являются къ ихъ услугамъ, — являются какъ бы неожиданно, какъ будто какіе-то посланники свыше, и естественно сразу становятся въ положеніе руководителей, какъ лица, много пережившія, какъ болѣе, по ихъ мнѣнію, опытыя въ духовной жизни, какъ живые образцы вѣры и терпѣнія. Кто и каковы лица, обольщенные Чуриковымъ? Православные, которые до встрѣчи и знакомства съ Чуриковымъ были истинными чадами православной церкви, которые и сейчасъ, еще не порвали видимаго общенія съ ней, которые и сейчасъ въ минуты просвѣтленія, или по влиянію со стороны, какъ бы отрезвляются и, хотя смутно, но все же сознаютъ свою измѣну православію; однако, удалившись отъ истины, они стремятся уже по наклонной плоскости въ сторону религіознаго заблужденія. Главная бѣда въ томъ, что они уже не могутъ вполне критически и объективно отнестись къ своему настоящему по-

ложенію и не стараются освободиться отъ сѣти діавола, который съумѣлъ „уловить ихъ въ свою волю“ (II Тим. 2, 24), и самыя благочестивыя порывы ихъ и ихъ ересеучитель приспособилъ на служеніе себѣ. Если первоначальная, искренно благочестивая настроенность Чурикова пришлась по душѣ столь многимъ, и, какъ казалось ему, не безъ душевной пользы для нихъ,—то значить, думалось ему, онъ не бесполезный человекъ и въ дальнѣйшей своей дѣятельности,—значить, нужно воспользоваться этимъ средствомъ вполне, нужно исчерпать его до конца. Не бѣда, что чистый источникъ уже помутился,—что дѣйствительная благочестивая настроенность уже изсякла въ немъ, самомъ, нужно поддерживать ее хотя въ другихъ, что къ тому же не бесполезно и для его избѣжившейся, отвыкшей отъ физическаго труда натуры,—и вотъ изъ невиннаго по существу заблужденія, которое было результатомъ его личной, ложно направленной благочестивой настроенности, является сначала бессознательное искаженіе народной вѣры, а затѣмъ безсовѣстная, злонамѣренная эксплуатація народнаго суевѣрія и невѣжества. Сначала ищущій и находящій въ мистicismѣ удовлетвореніе собственной душѣ, Чуриковъ теперь, съ ревностью фанатика, движеть по тому же пути всѣхъ окружающихъ его, разрушая встрѣчающіяся преграды и не останавливаясь ни передъ какими средствами. Естественно понадобились вериги, которыхъ онъ въ дѣйствительности не носилъ,—массивные кресты, которые нужны были ему только для виду, дабы усугубить вліяніе на народъ,—чѣмъ и объясняется двойственность въ его личности, проявляющаяся въ несоотвѣтствіи образа его жизни съ высказываемыми имъ взглядами и тенденціями,—напр. свято хранимый имъ произвольный постъ, и уклоненіе отъ постовъ общезначительныхъ,—наружные, видимые для другихъ, опыты умерщвленія плоти, и плохо скрываемое потворство своимъ прихотямъ. Желаніе оправдать противорѣчіе между словомъ и дѣломъ при его къ своеобразному, ложному и тенденціозному толкованію б и если онъ нашель возможнымъ оправдывать фактами бибмань и подозрительную близость къ женскому полу, то прямой путь къ хлыстовству, несомнѣнные признаки кот

сущи многимъ и другимъ дѣйствіямъ Чурикова, что, напр. ясно видно изъ его отношенія къ кающейся ему въ незаконномъ сожителствѣ вдовѣ, которую онъ, *благословляя цѣловалъ*, — и изъ его интимныхъ отношеній къ А. См—вой. Кроме того, онъ *уравниваетъ себя* въ своей миссіи съ *Самимъ І. Христомъ*, а окружающихъ его женщинъ кощунственно приравниваетъ къ „*мироносицамъ*“. Таковыми же признаками могутъ служить: именованіе членовъ общины „*братцами и сестрицами*“, съ употребленіемъ уменьшительныхъ именъ: Груша, Даша, Маша и т. д.; личное и абсолютное владычество Чурикова въ общинѣ, которую онъ *учитъ, благословляетъ, цѣлитъ, разрешаетъ отъ грѣховъ, объединяетъ религиозными цѣлями*, и отъ которой, взаменъ этого, *принимаетъ земные поклоны, цѣлованіе руки и матеріальное обезпеченіе*, какъ должное и вполнѣ имъ заслуженное; стремленіе въ самой внѣшности господствовать, повелѣвать, требовать поклоненія, какъ подобающаго и обязательнаго; скрываемое и только втайнѣ проявляемое расположеніе выражать свое молитвенное настроеніе пѣніемъ на голосъ плясовыхъ народныхъ пѣсней. Но самоизмышленная Чуриковымъ христовщина не есть обыкновенное хлыстовство, имѣющее свои преданія и историческую связь съ другими мистическими сектами и общеніе съ однородными сектантскими обществами. Его лжеученіе имѣетъ связь только съ общимъ настроеніемъ нашего времени и извѣстной мѣстности, — всюду искать чудесъ и чудотворцевъ, причемъ замѣчается наклонность и къ тому, чтобы людей, въ которыхъ видятъ или думаютъ видѣть поразительныя проявленія благодатной силы, противополagать церковной іерархіи и даже отождествлять съ Самимъ І. Христомъ.

Само собою понятно, какъ нужно смотрѣть и на эти неоднократные, по показаніи свидѣтелей, случаи исцѣленій, совершившихся будто бы по молитвамъ Чурикова. 1) Прежде всего нужно имѣть въ виду, что свидѣтелями являются исключительно завѣдомые поклонники и поклонницы Чурикова, притомъ фанатически настроенные личности, готовые во всемъ, касающемся предмета ихъ обожанія, видѣть чудесное и провиденціальное. II. Нѣкоторые сви-

дѣлствуютъ по слуху, а другіе, хотя и непосредственно отъ себя, но не указываютъ точно, съ кѣмъ именно, какъ и отъ какой болѣзни произошло исцѣленіе. Таковы, напр. указанія Викторіи, которая только слышала объ исцѣленіи женщины, но, какая это женщина и какой страдала болѣзнию, умалчиваетъ. А. См—ва свидѣтельствуетъ объ исцѣленіи жены какого-то управляющаго и всей своей семьи, но не указываетъ самыхъ болѣзней. Таково же свидѣтельство о себѣ и Е. Су—вой. См—ва, говоря объ исцѣленіи управляющаго, указываетъ болящій органъ (глаза), но не опредѣляетъ самую форму проявленія болѣзни. Въ всякаго сомнѣнія, что всѣ эти исцѣленія, если не составляютъ плодъ вымысла, были естественными выздоровленіями отъ обычныхъ случайныхъ заболѣваній, и чудесность имъ была приписана только потому, что факты выздоровленія послѣдовали влѣдъ за обращеніемъ къ помощи Чурикова. III. Всѣ остальные случаи „исцѣленій“, касающіеся, напр., винопитія, куренія табаку, разврата, танцевъ и пр. не представляютъ сами по себѣ ничего чудеснаго, какъ относящіяся къ личному подвигу тѣхъ, которые преодолѣли свои слабости. IV. Исцѣленіе скорченной руки у женщины, какъ явленіе, дѣйствительно, необычайное, заслуживаетъ самой тщательной провѣрки, и если нѣчто подобное, по какимъ-либо причинамъ, и совершилось, то, какъ приписываемое Чурикову, рѣшительно не заслуживаетъ никакого довѣрія со стороны самой дѣйствительности факта, и это въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: а) если Чуриковъ, дѣйствительно, „святой человѣкъ“, и сего ради силы дѣются о немъ, то почему же эти чудодѣйственные силы не примѣнялись имъ или оказались не дѣйствительными по отношенію къ его больной женѣ? Вѣдь, по его же словамъ, не доктора, а онъ владѣетъ вѣрнымъ средствомъ къ исцѣленію всякихъ душевно-больныхъ; б) почему вседѣйствующая сила его молитвъ не возымѣла никакого дѣйствія на больныхъ г. Новоузенска и Александрова Гая, изъ коихъ ни одинъ не исцѣлился, не смотря на неоднократныя и усиленныя попытки Чурикова показать себя чудотворцемъ? в) Что онъ не есть дѣйствительный святой и чудотворецъ, достаточно выяснено его эгоистическими

дѣйствіями, эксплуатаціею народнаго суевѣрнаго къ нему благоговѣнія, лицемѣрьемъ, лукавствомъ, и очень далекимъ отъ подвиговъ дѣйствительнаго самоумерщвления образомъ его жизни, не свойственнымъ истому подвижнику.

Въ заключеніе считаемъ не бесполезнымъ ознакомить читателей съ слѣдующими образцами прозаическаго и стихотворнаго мистическаго творчества, принадлежащими перу брата Иванушки и сестрицы его Ольги и изображающими въ авторахъ развинченные нервы и растрепанные чувства:

Откровеніе Іоанна Богослова гл. 3 ст. 90.

„Се стою у двери и стучу: несли кто услышитъ голосъ мой отворить дверь воиду къ нему и буду вечерить съ нимъ и онъ со мною, и 21. Побѣждающему дамъ сестъ со мною на престолѣ моемъ, какъ и я побѣдилъ и селъ со Отцемъ на престоле Его. Іоанна откр. г. 3 с. 21.

Слава тебе Господи Воскресенію твоему, нынѣ Господь сподобилъ видѣть стоящаго у дверей Христа, и Онъ учитъ, и отъ него слышу голосъ чересь Іоанна Откровеніе, нынѣ стараюсь отворить дверь сердца моего для Христа, но прежде всего прошу словами Давида, Господи положи храненіе устамъ моимъ, и дверь огражденіе устенъ моихъ. И не уклони сердце мое всловеса лукавія мира сего, откотогаго пріисходитъ зло рабство. но я надеюсь на милость Божию, и всегда Христосъ помогаль и къ просящимъ приходитъ и будетъ вечерить, по слову Давида какъ онъ говорить вотъ Богъ приготовилъ мне трапезу въ виду врагофъ моихъ, да и Христосъ говоритъ слово мое есть хлѣбъ и источникъ, и кто жаждетъ приходи ко мне и пѣй, отъ Іоанна гла 7 сти, 37 и кто вѣруеть во Христа, отехъ сказано въ евангеліе утого потекутъ реки воды живой источникъ.

Смотри отъ Іоанна гл. ст. 38, вотъ ныне видимъ исписанія, какъ течетъ слово евангеліе всемъ вѣрующимъ, Господь даетъ обильный плодь. а уневерующихъ евріевъ иссушилъ источникъ слово евангеліе, оне непонимають отъ того и слышать не хо-

тять о Христе вотъ отъ того и является зло рабство, ето потому что оне не бѣседуютъ о Христе оне неверять тому что сказаль Христось если будутъ собраны двое или трое во имя мое, такъ и я посреди ихъ, ныне во имя Христа я собрался написать квамъ письмо по науки Іоанна Богослова, я — наисаль вѣмъ вѣрующимъ во Христа, для назиданія дабы верующій вечерили со Христомъ, дабы иметь живои источникъ и поить жаждущихъ правды евангелія, благодарю Господа что онъ открываетъ мне понятіе черезъ откровеніе Іоанна Богослова, котораго Христось любилъ, и училъ его черезъ Ангела о которомъ говорится въ писаніе откровеніе побѣждающему дамъ сестъ со мною на престоле моемъ. Какъ и я победилъ, и селъ на престоле со Отцемъ моимъ на престоле Его, смотри откровеніе Іоанна гл. 3 — ст. и 21.

Ныне всемъ понятно Іоаннъ Богословъ побѣждалъ, со Христомъ мирскія похоти, и селъ на престоле со Христомъ Онъ также учить и насъ, быть воиномъ во Христе и вечерить со Христомъ "...

Братецъ Іоаннъ.

Мысли братца „Іоанна Самарскаго“.

Всѣ вы братіе смотрите
Съ неба даденъ вамъ сигналъ,
Въ новые полки градите
Насъ Господь на страхъ послалъ,

Крѣпость мою не сдавайте,
Скоро, скоро я приду,
Вы на небо отвѣчайте
Не сдадимся мы врагу.

Вотъ идутъ полки чужіе,
Они страшно намъ грозять —
Братья падаютъ родные,
Вы старайтесь ихъ поднять.

Крѣпость мою не сдавайте —
Скоро, скоро я приду,

Вы на небо отвѣчайте,
Не сдадимся мы врагу.

Знамя выше поднимите
И вы слушайте трубу,
Смѣло дружно всё бѣгите,
Вы за Божию войну.

Крѣпость мою не сдавайте,
Скоро, скоро я приду,
Вы на небо отвѣчайте
Не сдадимся мы врагу.

Длится бой полки чужіе,
Помощь къ намъ весьма близка,
Не сдаются не робѣютъ,
Идутъ войны за Христа.

Крѣпость мою не сдавайте,
Скоро, скоро я приду,
Вы на небо отвѣчайте
Не сдадимся мы врагу.

Вотъ идетъ Господь къ намъ съ неба,
Легіоны идутъ съ нимъ,
Съ нимъ и радость и побѣда.
Славу Богу воздадимъ.

Крѣпость мою не сдавайте,
Скоро, скоро я приду,
Вы на небо отвѣчайте,
Не сдадимся мы врагу.

День Христовъ къ намъ наступаетъ,
Издали намъ видѣнь свѣтъ,
И всѣхъ спящихъ пробуждаетъ —
Нынѣ радостный разсвѣтъ.

Призывъ слыша всё мужайтесь,
Мечъ духовный обнаживъ,

Вы за Господа сражайтесь —
Шлемъ спасенья возложивъ.

Бѣги впередъ не унывая
Не боясь казней врага,
На начальника взирая,
Намъ побѣда дорога.

Призывъ слыша всё мужайтесь,
Мечъ духовный обнаживъ,
Вы за Господа сражайтесь,
Шлемъ спасенья возложивъ.

При всѣхъ поднятыхъ къ намъ знаменахъ,
Проходящихъ всё мѣста,
Пойте громко всё вы братья,
Миръ весь царствомъ сталъ Христа.

Призывъ слыша всё мужайтесь,
Шлемъ спасенья возложивъ,
Вы за Господа сражайтесь
Мечъ духовный обнаживъ.

„Братецъ Иоаннъ“.

Дорогому наставнику моему братцу Иоанну.

Дай мнѣ усталой главою склониться
Добрый пастыръ мнѣ предъ тобою
Дай мнѣ силу въ горячей молитвѣ забыться
Отъ тоски и печали земной.

Дай тяжелыя сердца мученья
Предъ тобою въ слезахъ мнѣ излить
Ты одинъ лишь души всё томленья
Можешь силой молитвы облегчить.

Ты самъ знаешь муки земныя
Твоя также страдаетъ душа
И лились твои чистыя слезы
О страданіяхъ въ темницѣ за Бога Христа

Посмотри на горячія слезы
Что блестять на увядшихъ щекахъ
То погибшія свѣтлыя грезы
То печаль о разбитыхъ мечтахъ
О склонись же склонись надо мною
Пастырь добрый своею главою
Чтобъ моей истомленной душою
Овладѣлъ вновь желанный покой.

Ольга.

НОВЫЯ КНИГИ.

„Сборникъ поученій“ ц. 1 р. 25 к., „Хлѣбъ жизни“ ц. 1 р. 25 к., а также 8 брошюръ „для школь и народа“ ц. 80 к. Выписывать отъ автора: „Попелгня“ Киевской губ. свящ. С. Брояковскому.

Отзывы печати: „Сборникъ поученій“ долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ современныхъ проповѣдей для простыхъ слушателей. . Особенность поуч. — ихъ *жизненность*. Каждое поученіе — слово краткое, живое и дѣйственное. Темы поученій *практически современнаго характера*. Слогъ легкій, языкъ простой и понятный, изложеніе литературное... „Хлѣбъ жизни“ и другія книжки свящ. Брояковского также весьма занимательны, назидательны и поучительны. Поэтому ихъ смѣло и ясно рекомендовать пастырямъ для чтеній въ храмѣ, при виѣбогослужеб. собесѣд., а также для библиотекъ церковныхъ, школьныхъ, причтовыхъ и народныхъ „Церк. Вѣд.“ № 41, 1901 г., „Киев. Еп. Вѣд.“ № 12, 1901 г., „Богос. библ. Лист. мартъ и много др.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

С О В Ъ Т Ъ Самарскаго Алексіевскаго Братства

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 14-го сего октября магазинъ братскій (что на Алексіевской площади) переведенъ въ собственное помѣщеніе, на Заводской улицѣ, между Вознесенской и Казанской, домъ № 27.

Въ магазинѣ продаются по дешевымъ цѣнамъ: иконы, крестики, книги, брошюры и листки религіозно-нравственнаго содержанія. Принимаются на комиссію заказы на всѣ учебники и учебныя пособія для духовно-учебныхъ заведе и иначальныхъ школь.

Вышла „Январская“ книжка

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

Содержаніе: Святаго отца нашего Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна. — Рождество Христово. *Стихотвореніе И. П.* — Страданія чловѣчества (Публичнаго лекція). *Д. И. Введенскаго.* — О нашемъ символѣ вѣры. *А. П. Лебедева.* — Нравственное сужденіе и его психологическая природа *Н. Г. Гораденскаго.* — Въ странѣ священныхъ воспоминаній. (Описаніе путешествія въ св. землю). — Голось изъ Америки. (Къ вопросу о сближеніи англійства съ православіемъ). *В. А. Соколова.* — Обзоръ журналовъ. (Статьи по нравственному богословію). *Н. Г. Городенскаго.* — Библиографическая замѣтка. Московское изданіе греческой библіи 1821 г. *И. Евсѣева.* — Автобіографическія записки Саввы, Архіепископа Тверскаго. — Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи за 1901 г. — Объявленія.

Продолжается подписка на „Богословскій Вѣстникъ“ 1902 г. съ приложеніемъ первыхъ двухъ частей **ТВОРЕНІЙ СВ. АѦНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО,** въ новомъ изданіи.

Подписная цѣна *всемь рублей* съ перес.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ января 1902 г въ гор. Костромѣ издастся подъ редакціей Костромскаго Губернскаго Пчеловода

Г. А. КУЗЬМИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“

журналь выходитъ 6 разъ въ годъ (по выпуску черезъ мѣсяць) сброшюрованными книжками въ объемъ 2 листовъ каждая, т. е. даетъ въ годъ 12 печатныхъ листовъ.

Программа журнала, утвержденная г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ: 1) Хроника. Правительственныя узаконенія и распоряженія, а равно земскія постановленія, относящіяся до пчеловодствъ. Обзоръ дѣятельности инструкторовъ пчеловодства, Обществъ, Комитетовъ, Комиссій и иныхъ Пчеловодственныхъ установленій. Корреспонденціи о состояніи пчеловодства по губерніямъ, областямъ, округамъ, уѣздамъ и районамъ. 2) Дѣло обученія пчеловодству: школы, курсы, лекціи, учебные пчельники, приемы обученія. 3) Статистика, экономика и техника пчельнаго промысла. Статьи научнаго и практическаго направленія. 4) Что пишутъ. Обзоръ періодическихъ изданій по пчеловодству, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Краткое содержаніе (въ выдержкахъ или въ пересказѣ) всѣхъ болѣе или менѣе полезныхъ и интересныхъ статей. Переводы 5) Слѣсь. 6) Библиографія. 7) Вопросы подписчиковъ и отвѣты редакціи. 8) Объявленія.

Подписная плата **ОДИНЪ рубль въ годъ,**
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Назначая столь дешевую плату—ОДИНЪ рубль въ годъ—редакція надѣется, что пчеловоды и любители пчеловодства поддержать новое изданіе своей подпиской, тѣмъ болѣе, что одна изъ задачъ журнала «Обозрѣніе Пчеловодства» — быть справочнымъ настольнымъ изданіемъ на отдѣлѣ 4 программы будетъ обращено самое серьезное вниманіе. Помѣщая отчеты о всѣхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ, редакція «Обозрѣніе Пчеловодства» сохранить у подписчиковъ не мало рублей, которые пошли бы на выписку нѣсколькихъ журналовъ. Однимъ словомъ. «Обозрѣніе Пчеловодства» явится какъ бы **ЖУРНАЛОМЪ ЖУРНАЛОВЪ ПЧЕЛОВОДСТВА.**

Статьямъ объ уходѣ за пчелами будетъ удѣлено значительное мѣсто.

Изложеніе статей практическаго характера будетъ вполне понятно и для деревенскаго читателя.

Въ виду того, что журналъ будетъ имѣть близкую связь съ дѣятельностью Костромскаго губернскаго Земства, у котораго имѣется опытно-учебный пчельникъ, складъ пчеловодства и проч. — можно думать, что редація успѣшно справится со своими задачами.

Занимаясь въ теченіе 10 лѣтъ дѣломъ обученія пчеловодству, состоя во время Всероссийской Нижегородской Выставки замѣстителемъ завѣдующаго отдѣломъ Пчеловодства, посѣтивъ много губерній съ цѣлью изученія мѣстныхъ условій пчеловожденія, редакторъ новаго журнала имѣетъ возможность получать корреспонденціи со всѣхъ концовъ обширной Россійской Имперіи и въ силу этого, сдѣлать журналъ полезнымъ и интереснымъ.

Денежныя и простыя письма адресовать: въ гор. Кострому, въ редакцію журнала «Обозрѣніе Пчеловодства».

Редакторъ-Издатель *Г. А. Кузьминъ.*

ЦЕРКОВНЫЯ

ЧИСТО ВІНОГРАДНЫЯ ВІНА

СОБСТВЕННОГО САДА

Г. И. ИВАНОВА

имѣнія Старо-Дворянска дачи Терской области,
Кизлярскаго уѣзда.

Продажа оптомъ и въ розницу. Для торговцевъ и
церквей уступка 10% съ рубля.

Складъ въ г. Самарѣ,

уголь Заводской и Соборной улицъ, соб. домъ.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА

ИНЖЕНЕРЪ-ТЕХНОЛОГА

Л. Л. ЗЕЛИХМАНА,

Самара, Дворянская ул., д. № 90.

Предлагаетъ металлическія и шамотныя ПЕРЕНОСНЫЯ ПЕЧИ ДЛЯ ЦЕРКВЕЙ. Топка дровами, углемъ, шехухой, кизякомъ и проч.

По цѣнѣ отъ 14 до 40 руб.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЖИВОИСИ

Н. И. БАРОНСКАГО.

Принимаю живописныя и иконописныя работы, стѣнную росписью въ храмахъ. По желанію съ разсрочкой.

Г. Самара. Новособорная ул., д. Пронина. 4—4

ПОРТНОЙ ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА

СЕМЕНЪ ПАВЛОВИЧЪ ПАШКИНЪ

ЕБЪ Г. САМАРѢ.

Уральская улица, между Оренбургской и Торговой, свой домъ № 194.

Получаетъ заказы отъ многихъ лицъ изъ городского и сельскаго духовенства.

конь благовѣствуетъ слова и дѣла самаго Господа, когда священникъ съ этого ли священнаго мѣста вслухъ всѣхъ, или стоя на судѣ Божіемъ вмѣстѣ съ кающимся во грѣхахъ и тому одному, по его именно немощамъ и болѣзнямъ духовнымъ, даетъ наставленіе, — не свое, а какому научился изъ слова же Божія, — во всѣхъ этихъ случаяхъ намъ людямъ принадлежитъ дыханіе и звуки голоса, выборъ того или другаго слова для выраженія мысли, употребленіе такого или другаго способа рѣчи для передачи того, что слышимъ сами въ словѣ Божіемъ; а возвѣщаемое нами, тѣмъ не менѣе, есть слово Божіе, и возвѣщающій его чрезъ насъ — одинъ, — Господь. Можно, слушая слово Божіе во храмѣ, слушать только человѣка, который говоритъ; и можно, слушая человѣка, не отъ человѣка принимать, а внимать своимъ сердцемъ въ словахъ человѣка Самому Господу. Такъ — было и велѣлъ Господь слушать ученіе Его. Какъ намъ, поставленнымъ на то, чтобы учить, Господь повелѣлъ не считать себя учителями и наставниками, а постоянно памятовать, что *единъ есть Учитель и Наставникъ* нашъ Самъ Онъ — *Христосъ* (Матѣ. XXIII, 8, 10); такъ, слѣдовательно, и вамъ, братіе, заповѣдуетъ Онъ, слушая слово Божіе, внимать всегда Ему. А ужь особенно легко и удобно намъ ставить себя въ такое настроеніе, когда слушаемъ въ церкви или дома сами читаемъ слово Божіе во св. евангелии и писаніяхъ апостольскихъ. Еще въ поученіяхъ нашихъ слово Божіе можетъ иногда какъ бы закрываться или затмеваться словомъ человѣческимъ, — тѣмъ, что принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ намъ; а когда читается евангеліе или апостоль, то и самое слово — Его слово и Духа Его, и благовѣствующему и внимающимъ Онъ Самъ внимаетъ — вездѣ присущій и вся исполняющій. Какъ тогда, когда изрекалъ Онъ въ первый разъ эту притчу въ слухъ іудеевъ, вѣдомы ему были, наги и объявлены были предъ Нимъ сердца внимающихъ Ему; такъ еще тогда же Онъ уже видѣлъ и обнималъ Своею божественною мыслию и насъ, слушающихъ эту притчу въ настоящій воскресный день ежегодно; тогда же взиралъ Онъ на насъ, еще не родившихся, и теперь взираетъ: какъ слушаемъ мы слово Его: — слушаемъ Божіе слово или только слова произноси-

мыя?— внимаемъ Христу, учащему, или слушаемъ только діакона, читающаго евангеліе, —человѣка?

Если бы мы Его слушали, то подумали бы, когда читалось евангеліе: Господь взираетъ и на меня; Господь не какъ чловѣкъ, который, когда говорить въ общемъ собраніи, не знаетъ— кто слушаетъ и кто не слышитъ слово его;—кто принимаетъ слово въ глубину сердца, и отъ чьего сердца звуки слова его отправляютъ назадъ, точно также какъ и отъ каменныхъ стѣнъ зданія, не оставляя на нихъ никакого слѣда?—такъ, — когда говорить чловѣкъ, но не такъ—Господь; Господь, повторяя мнѣ въ нынѣшнемъ евангеліи притчу Свою, смотрѣлъ и на мое сердце, говорилъ именно ко мнѣ; и о мнѣ говорилъ Онъ эту притчу и меня судилъ, когда дѣлилъ всѣхъ слушающихъ слово Его и уподоблялъ однихъ прохожей дорогѣ, на которой погибло слово Его прежде, чѣмъ успѣло взойти, — другихъ каменистой почвѣ, на которой сѣмя его возшло, но прежде, чѣмъ возрасло, —погибло;— третьихъ— тернистой землѣ, гдѣ сѣмя слова Божія подавлено было терніемъ прежде, чѣмъ дало плодъ—и наконецъ послѣднихъ доброй нивѣ, которая обильнымъ плодомъ радуется сердце сѣявшаго Господа. Какъ трепетали бы мы, братіе, и сокрушались сердцемъ, если бы думали, что это Господь о насъ говоритъ, и помышляя, что Онъ на насъ смотреть, зная въ то же время, что нѣтъ у насъ плода отъ всѣяннаго Имъ сѣмени слова, что мы, значить, либо сѣянныя при пути, либо на камени, либо въ терніи. Спросимъ же себя, братіе — кто мы такіе?

Иже при пути, говоритъ Господь, сѣтъ слышащій, потомъ же приходитъ диаволъ и вземлетъ слово отъ сердца ихъ, да не въроваши спасутся (Лк. VIII, 12). А мы уже увѣровали въ Господа; потому можно, кажется, думать, что это Господь говоритъ не о насъ, а о тѣхъ, которые тогда изъ іудеевъ слушали ученіе Его, о тѣхъ, которымъ оно западало въ душу, — но которые пустили диаволу похитить начала вѣры и остались при своемъ невѣріи.

А иже на камени, продолжаетъ Господь, — это тѣ, иже егда услышатъ, съ радостію приѣмлютъ слово; но корене

не имуть, и потому во время вѣрують и во время напасти отпадаютъ (сх. 13). По видимому, и здѣсь говорить Господь о тѣхъ, которые, увѣровавъ въ Него, отпадали потомъ отъ вѣры, когда наставали гоненія.

Итакъ мы, увѣровавшіе въ Господа и не отвергшіеся Его не принадлежимъ ли къ числу тѣхъ, о которыхъ сказалъ Господь: *сїи суть — иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше, слово держатъ*, содержать слово Божіе, ученіе Христово, въ которое увѣровали, *и плодъ творятъ въ терпѣніи* (сх. 15)? *Плодъ духовный*, говоритъ апостоль, *есть любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V. 22). Итакъ, кто любитъ ближняго какъ брата, въ чьемъ сердцѣ миръ не нарушается и печальми житейскими, кто радостнымъ сердцемъ стремится во храмъ Божій и мирную радость отъ Господа приносить въ сердцѣ своемъ изъ храма домой, изливая ее на свое и своихъ, въ комъ любовь къ братьямъ преизливается дѣлами благодати и милосердія, выражается долготерпѣніемъ въ скорбяхъ, кротостью при оскорбленіяхъ — тотъ возблагодари Господа, что не пропало въ немъ божественное сѣмя слова евангельскаго, но *прозябаетъ и растетъ, якоже невьсть онъ; отъ себе бо земля сердца его плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класъ* (Мр. IV, 27. 28).

Если же кто, (какъ и мы, братіе), не видитъ въ себѣ духовныхъ плодовъ — любви и мира, воздержанія, долготерпѣнія, милосердія, радости духовной, тому, братіе, остается отнести къ себѣ сказанное Господомъ о сѣмени павшемъ въ терніе. *А упавшее въ терніе*, говоритъ Господь, *это тѣ, которые слушаютъ слово, но, отходя, заботами, богатствомъ и наслажденіями житейскими подавляются и не приносятъ плода* (Лк. VIII, 14). Говоритъ ли Господь, будто мы не можемъ спастись, не оставивъ всѣ заботы житейскія, не отказавшись отъ богатства, у кого оно есть и отъ всѣхъ наслажденій и радостей въ этой жизни? О, нѣтъ? Господь же есть *вся обильно подающій намъ въ наслажденіе* (1 Тим. VI, 17), *благодворя, съ небесе*

намъ дожди дая, времена плодоносна, исполняя пищею и веселиемъ сердца наша (Дѣян. XIV, 17). Посему и труды и заботы жизни въ приобрѣтеніи этихъ богодаруемыхъ благъ носить на себѣ благословіе Божіе. За тѣмъ только надобно смотрѣть, чтобы заботы, нужды или богатство и удовольствія житейскія не подавляли сѣмя слова Божія.

Братія! Кромѣ слова Божія во св. евангеліи, есть слово Божіе, непрестанно раздающееся въ сердцѣ нашемъ; всякое доброе желаніе, возникающее въ насъ, есть слово Божіе къ намъ; послушны мы этому званію Божію,—сѣмя слова Божія принесетъ намъ плодъ духовный; подавимъ мы или допустимъ другимъ желаніямъ сердца подавить эти добрыя влеченія,—это сѣмя слова Божія *подавляется* терніями. Возникающія въ сердцѣ внушенія любви, благодати, милосердія, кротости, воздержанія, это сѣмена слова Божія; недопустимъ мы другимъ желаніямъ заглушить ихъ,—сѣмена эти дадутъ намъ плодъ духовный въ жизнь вѣчную. Будемъ же осторожны, братія, чтобы сѣмена эти не подавлялись *печальми* т. е. заботами и *лестію богатства и сластѣми житейскими* (Мф. XIII, 22).

Спросимъ самихъ себя, братіе, не допускаемъ ли мы терніямъ больше и больше разрастаться на землѣ сердца нашего? Таковы ли мы даже, каковы были прежде? Заботы о дѣлахъ своихъ не простираемъ ли мы до того, что намъ некогда бываетъ изъ за нихъ подумать о самихъ себѣ и памятовать о Господѣ? Богатство не вовлекаетъ ли насъ въ разслабленіе? не вводитъ ли въ жизнь нашу обычаевъ, чуждыхъ рабамъ Божіимъ? удовольствія не отвлекаютъ ли въ насъ отъ храма Божія, не дѣлаютъ ли насъ изъ сыновъ Божіихъ ниспадающими до состоянія скотовъ земныхъ и звѣрей дикихъ, въ которыхъ нельзя бываетъ узнать образа Божія. Наконецъ, если даже и этаго нѣтъ, если совѣсть не говоритъ намъ, что мы дѣлаемся все только хуже прежняго, но и плода духовнаго не видимъ въ себѣ; то будемъ помнить вотъ какое слово Божіе: *земля, пившая сходящій на ню множицею дождь* (а дождь—это благодать Св. Духа, приѣмляемая нами отъ Бога во св. таинствахъ, особенно же въ прича-

щеніи тѣла Христова и крови Господней) - земля, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, и мже и дѣлаема бываетъ, приѣмлетъ благоговеніе отъ Бога; а износящая тернія и волчець непотребна есть и клятвы близъ, сяже кончина въ пожженіе, т. е. негодна и близка къ проклятію, котораго слѣдствіемъ будетъ сожженіе. Это слово Божіе, братіе! (Евр. VI, 7. 8). Аминь.

1865 г.

С Л О В О

въ недѣлю двадцать вторую по Пятидесятницѣ.

Рече богатый ко Аврааму, молю
тя, отче, да последи Лазаря въ
домъ отца моего, — имамъ бо пять
братій, — да засвидѣтельствуетъ
имъ, да не и тѣмъ приидутъ на
мѣсто сіе мученія. Глагола ему
Авраамъ: имутъ Моисея и Про-
роки; да послушаютъ ихъ. Онъ
же рече: ни, отче Аврааме; но,
аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ
нимъ, покаются. Рече же ему:
аще Моисея и пророковъ не по-
слушаютъ, и аще кто отъ мерт-
выхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры.
(Лук. XVI, 27—31).

Итакъ вотъ отъ чего, братія, не употребляетъ Господь чудесныхъ явленій для нашего обращенія къ покаянію. Видящій, во свѣтѣ Божіемъ, отъ небесъ до преисподней Авраамъ, лучше же самъ Господь устами Авраама засвидѣтельствовалъ, что кто не слушаетъ закона Божія чрезъ Моисея и увѣщаній пророческихъ, тѣ не покаются бы, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ для вразумленія ихъ. Т. е. на первый разъ они, быть можетъ, и ум-

лились бы сердцемъ,—какъ это бываетъ иногда и вслѣдствіе слушанія закона и увѣщаній или обличеній и угрозъ въ писаніи,— какъ это бываетъ и съ нами, когда мы приходимъ исповѣдывать грѣхи свои и общаемъ Господу исправить жизнь свою, отстать, отъучить себя отъ грѣховныхъ привычекъ,—а потомъ... потомъ кто изъ насъ не долженъ воскликнуть со слезами: *Христе Исусе! колы краты общахъ Тебѣ, страстный, покаяніе; но солгахъ, окаянный* (Кан. Сладч. Ис. П. 7, тр. 3)! И много ли такихъ, которые возблагодарятъ Господа, что покаяніе ихъ дѣйствительно сопровождалось обѣщаннымъ исправленіемъ жизни?.. Тоже самое было бы, — свидѣтельствуемъ Самъ Господь — тоже самое было бы съ нами, если бы кто нибудь изъ такихъ нерадивыхъ христіанъ, погребаемыхъ нами, возсталъ изъ гроба и *засвидѣтельствовалъ* намъ (Матѣ. XXVI, 24): *унѣ мнѣ было бы не родиться, неже жить, какъ я жилъ, и пріити на мѣсто сіе мученія!* Такое вразумленіе Божіе произвело бы въ насъ великій страхъ, и сокрушеніе, и скорбь, и временное воздержаніе отъ грѣха... но, какъ все земное забывается, такъ и это забылось бы! Забываются обѣщанія исправиться, какія даются въ минуту смертной опасности, — какъ ни кажутся они въ ту минуту твердыми и непремѣнными. А между тѣмъ, если бы мы и послѣ такихъ чудесныхъ вразумленій Божіихъ къ покаянію, да попрежнему остались неисправленными; то развѣ прошло бы для насъ безвредно такое расточеніе милосердія Божія! Вѣдь чѣмъ болѣе пренебрегаемъ мы, растрчиваемъ безъ плода призывовъ Божіихъ къ покаянію, тѣмъ болѣе преогорчевается любовь Божія, призывающая насъ. Припомнимъ, что сказалъ Господь *градовомъ, въ нижше быша множайшія силы Его, зане не покашася: Түрү и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, неже вамъ* (Матѣ. XI, 20, 22). *Содомлянномъ бо день той отраднѣе будетъ, неже граду тому* (Лук. X, 12). Это потому, что Түръ и Сидонъ, Содомъ и Гоморра не расточили по напрасну столько милостей Божіихъ, чудеснымъ образомъ призывавшихъ ихъ къ покаянію, сколько расточили ихъ тѣ города, *зане*, не смотря на то, что въ нихъ были *множайшія* чудеса Христовы,

цѣмъ въ другихъ, они *не покаяшася*. Такимъ-то образомъ, щадя насъ, оставляетъ насъ Господь безъ чудеснаго призванія къ покаянію, кромѣ тѣхъ призваній, какія ежедневно раздаются для насъ въ Его словѣ евангельскомъ. Не будемъ же, братіе, ожидать, чтобы Господь громами и молніями, устами мертвыхъ изъ гробовъ или внезапнымъ пораженіемъ на смерть грѣшниковъ во грѣхахъ ихъ возбуждалъ насъ къ покаянію. Обратимъ слухъ и и сердце къ тому, что говоритъ Онъ намъ во св. евангеліи.

Имутъ Моисея и пророки, говоритъ Онъ, *да послушаютъ ихъ*, чтобы не придти на мѣсто мученія вѣчнаго. Вмѣсто закона писаннаго, даннаго чрезъ Моисея, теперь у насъ, братіе, законъ Христовъ во св. евангеліи; вмѣсто увѣщаній пророческихъ—писанія апостольскія. Ихъ не послушаемъ,—имѣемъ предъ собою примѣръ,—что будетъ. Должны ли мы себя считать лучше, поминаемаго нынѣ въ евангеліи богатаго? Авраамъ, говоря ему, что для него невозможно облегченіе его мученій, не упрекаетъ его ни въ какихъ великихъ преступленіяхъ, не обличаетъ его даже въ особенномъ жестокосердіи къ Лазарю. Да богатый и самъ надѣется еще получить милость чрезъ Лазаря. Что же говоритъ Авраамъ?—Да, Авраамъ говоритъ только: *чадо помяни, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ твоемъ*. Ты жилъ для того, чтобы наслаждаться, тогда какъ Лазарь жилъ надеждой будущихъ благъ; посему онъ *нынѣ здѣ утѣшается*, какъ вѣрный въ терпѣніи, *ты же страждешь*, потому что не позаботился собрать себѣ *блага* не только въ жизни временной, но и въ животъ вѣчный. Братіе! какъ многимъ изъ насъ можетъ быть сказано тоже самое! Не только тѣ, которые богаты, подобно ему облачаются что ни есть въ лучшія ткани, не только тѣ, которые, подобно тому богачу, веселятся по вся дня свѣтло, т. е. у которыхъ всякій день праздникъ; но и всѣ, подобно ему, не думающіе о жизни будущей, *воспринимающіе въ животъ своемъ тѣ блага*, какія суждены были имъ на долю, — всѣ не заботящіеся о своемъ спасеніи находятся въ опасности подвергнуться той-же участи. Нищій лежалъ предъ вратами его, покрытый гнойными струпами; — нищій голодалъ, тогда какъ на его обѣды

можно было бы накормить сотни такихъ нищихъ. Но въ то время и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ жилъ и училъ Господь, это самое обыкновенное дѣло; тамъ нищія, едва прикрытыя рубищемъ или безъ всякаго рубища, выставляютъ на показъ свои гнойныя язвы, чтобы возбудить состраданіе; тамъ они лежатъ на перекресткахъ, у воротъ, и питаются тѣмъ, что выбрасываютъ изъ домовъ, какъ соръ. Тамъ ходятъ стаи голодныхъ собакъ и оспариваютъ у нищихъ, что можно съѣсть изъ выбрасываемаго на улицу. Богатый зналъ этого нищаго, лежавшаго у воротъ его;—какъ видимъ, зналъ даже имя его. Въ чемъ же вина его? въ томъ, что онъ, занятый удовольствіями, сытый и пресыщающійся не разумѣлъ страданій голоднаго,—не далъ себѣ труда подумать, какъ незаконно, какъ противно волѣ Божіей это положеніе дѣлъ, что одинъ пресыщается и не знаетъ, какъ бы употребить на себя свои блага, а другой, подлѣ, нагъ и голоденъ. Если бы онъ думалъ о своемъ спасеніи, о жизни будущей, если бы слушалъ Моисея и пророковъ, которые говорятъ: *возлюбиши ближняго твоего яко самъ себе* (Лев. XIX, 18); *блаженъ разумѣвая на нища и убога* (Пс. 40, 1). *Горе совокупляющимъ домъ къ дому и село къ селу! Сія глаголетъ Адонамъ Господь: се Азъ възыщу овецъ Моихъ и присъщу ихъ, якоже присъщаетъ пастухъ паству свою; се Азъ разсужду между овчатемъ и овчатемъ, и овномъ и козломъ. Не довольно ли вамъ, яко на благой пажити; пасостесь и останокъ пажити вашей ногами попираете и устоявшуюся воду пиваете и останокъ ногами вашими возмущаете; И овцы Моя попруніемъ ногъ вашихъ живяху и возмущенную воду ногами вашими пїяху. Того ради сія глаголетъ Адонамъ Господь: се Азъ разсужду между овчатемъ сильнымъ и овчатемъ немощнымъ* (Лезек. XXXIV, 12, 17—20). *Добро творити милостыню неже сокровиществовати злато. творящїи милостыни и правды исполняются жизни* (Тов. XII, 8, 9); онъ не могъ бы веселиться, пресыщаться, расточать блага свои, тогда какъ у самыхъ воротъ его лежалъ Лазарь нагой, покрытый струпами. голодный... Вотъ въ чемъ грѣхъ его,

вотъ почему сказалъ ему Авраамъ, что онъ получилъ уже свои блага въ настоящей жизни. Но, братіе, развѣ это многимъ различается отъ того, что видимъ мы, что окружаетъ насъ? Развѣ мало около насъ, подлѣ насъ вопіющей нужды, которой никто не удовлетворяетъ? Развѣ мало расточается нынѣ на излишества, съ спокойной совѣстью, какъ будто такъ и быть должно, — по той мысли, что это *моя благая* (Лук. XVIII, 20); слѣдовательно, что я хочу, то съ ними и дѣлаю. *Чадо! помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоємъ*, скажетъ Господь и всѣ *святїи*, которые съ Господомъ *судити имуть мірови* (1 Кор. VI, 2), тѣмъ, которые, подобно богатому, имѣли несчастіе въ животѣ своемъ не думать о жизни будущей, живя день за днемъ только для того, чтобы ѣсть, пить, и пользоваться всѣми другими благами, данными Господомъ на долю ихъ.

Опомнимся, братіе! Приклонимъ ухо къ словамъ Господа. Во всѣхъ дѣлахъ, которыми заняты, будемъ наблюдать за собой: а такъ ли я дѣлаю это дѣло, какъ того хочетъ Господь? тогда ни бѣдность, съ ея ежечасными заботами и трудами, не помѣшаетъ намъ достигнуть лона Авраамова; ни богатство и тѣ блага жизни, какія даровалъ Господь, не послужатъ намъ въ осужденіе. Слово Божіе научитъ насъ — какъ жить и въ богатствѣ, и въ бѣдности. Аминь.

1865 г.

С Л О В О

въ недѣлю двадесять пятую по пятидесятницѣ.

Святѣйшій Соборъ архипастырей, правительствующій церковію православною въ предѣлахъ нашего возлюбленнаго отечества, установилъ, чтобы въ настоящій воскресный день, когда за литургією предлагается евангельское чтеніе о Милосердомъ Самарянинѣ, производился сборъ пожертвованій на дѣла благотворенія страждущему человѣчеству, оказываемыя обществомъ Краснаго Креста. Глубокое проникновеніе духомъ евангельскимъ открываетъ намъ, братія, въ этомъ распоряженіи духовнаго правительства! *Иди, и*

ты твори такожде (Лк. X, 37)!—слышать слова Христовы труженики и труженицы, отмѣченные священнымъ знаменіемъ „Краснаго Креста“, иди, подобно этому милосердому самарянину, твори милость страждущему, израненному, *еле живу сущу* (сх. 30),—кто бы онъ ни былъ, другъ ли твой, врагъ ли твой, — усердный ли чтитель Бога истиннаго, или едва—едва проявляющій въ себѣ признаки жизни духовной,—невѣдущій Бога истиннаго, заблуждающій въ вѣрѣ, — невѣрующій. Такъ и дѣлають ученики и служители Христовы, воспріявшіе знаменіе „Краснаго Креста“. На полѣ битвы, едва только замолкнетъ громъ смертоносныхъ орудій, а ипогда еще подъ самыми выстрѣлами неприятеля, идутъ они на только что оставленное поле битвы преклоняются, какъ милосердый самарянинъ и *видя* израненнаго брата или врага, *милосердуютъ о немъ* (сх. 33), уносятъ его въ безопасное мѣсто и врачуютъ раны его. Вѣдь и этотъ іудей, о которомъ говорилъ Господь въ притчѣ, прежде, чѣмъ постигла его бѣда, не захотѣлъ бы дозволить и малѣйшаго прикосновенія къ себѣ самарянина; быть можетъ, презрительными прозвищами, ласмѣшками и ругательствами встрѣтилъ бы и проводилъ бы его; а теперь, — видъ страданій и *горечь* угрожающей *смерти* (Сар. XV, 32), — открыли глаза и іудею, и самарянину; и каждый изъ нихъ призналъ въ другомъ ближняго своего, брата своего. Такъ, братія, на поляхъ сраженій распустился благоуханный цвѣтъ милосердія и хриstopодражательной любви, объемлющей и братьевъ, и враговъ. Кто насадилъ и выростилъ этотъ дивный цвѣтъ въ сердцахъ человѣческихъ? Господь, *Иже солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мф. XV, 45); Господь, Который благоволилъ Себя изобразить для насъ въ видѣ самарянина, умилосердившагося надъ погибавшимъ врагомъ. Онъ проявилъ всю бездну Своего милосердія къ погибавшему человѣчеству, благоизволивъ обречь Себя на крестную смерть, для спасенія тѣхъ, которые были врагами Богу по своимъ грѣхамъ и мы, *врази бывше, примирихомся Богу кровію Сына Его* (Рим. V, 6—10). *Эта любви Божія, изліяся и въ сердца вѣрующихъ во Христа Духомъ Святымъ, данъ*

нымъ (сх. 5) имъ; этотъ *духъ любви* (2 Тим. 1, 7) Его, вложенный въ сердца людей, этотъ божественный *огнь*, который *воорещи на землю* (Лк. XII, 49) приходилъ Христось, и спасаетъ мѣръ, преобразая землю изъ юдоли гнѣва, вражды, смертоубійства въ пажити *мира и благоволенія* (Лк. 11, 14).

Ни на чемъ, кажется, не усматривается такъ ясно это измѣненіе міра къ лучшему духомъ ученія Христова, какъ на исторіи войны въ родѣ человѣческомъ: было время, когда войны сопровождались *всегубительствомъ* (1 Сол. V, 3): убивали не только враговъ, противящихся силѣ вооруженною же силою; убивали враговъ уже побѣжденныхъ, повергавшихъ оружіе и просившихъ пощады; мучительной смерти предавали плѣнниковъ; избивали безсильныхъ старцевъ, избивали женъ и дѣвъ, сперва надругавшихся надъ ними; *разбивали о камень младенцевъ* (Пс. CXXXVI, 9) въ глазахъ ихъ матерей... А вѣдь *Богъ смерти не сотвори* и братоубійство, начиная съ Каинова, — было дѣломъ не Божія повелѣнія, а наущеніемъ *исконнаго челоукоубійцы* (Іо. VIII, 44) Но Господь Премудрый изъ нашего зла умѣетъ извлекать возможное благо для насъ; изъ грѣха нашего умѣетъ содѣвать спасеніе грѣшниковъ. Былъ ли грѣхъ ужаснѣе того, о которомъ совершившій его самъ слазалъ: *согрѣшихъ азъ, предавъ кровь неповинную* (Мо. XXVII, 4), а между тѣмъ, Господь и Христоубійство Іудино обратилъ во спасеніе міру. Такъ и всегубительныя войны древняго міра Господь обращалъ ко спасенію гибнущихъ, подобно *всегубительству* (Лк. XVII, 26—29) отъ потопа, отъ огня Содомскаго, отъ землетрясеній, разрушавшихъ цѣлыя города. Какъ *противившіеся* нѣкогда *во дни Ноевы, Богу* (1, Петр. III, 20), призывавшему ихъ къ покаянію, бывъ смыты водами потопа съ лица земли *въ преисподнюю*, (Филип. II, 10) здѣсь оказались способными къ пріятію проповѣди Христа — Спасителя о побѣдѣ надъ грѣхомъ и смертію; такъ и другихъ родовъ смертная казнь, наводимая Господомъ на упорствовавшихъ во грѣхѣ, была послѣднимъ средствомъ въ рукахъ Божіихъ, чтобы пробить кору нераскаянныхъ сердецъ. Такимъ средствомъ была и войны людскія въ рудѣ Божіей, Господь говорилъ *нѣкогда*

Аврааму: „надъ народомъ“ — угнетателемъ церкви Божіей, — „Я произведу судъ“ (Быт. XV, 14 — 16); но не теперь, а чрезъ 400 лѣтъ, потому что „еще не наполнилась мѣра беззаконій“ его. Но исполнялась эта мѣра, не оказывалось болѣе пшеницы на этой нивѣ и Господь посылалъ мечъ и огонь, чтобы очистить землю, возвращавшую одни *тернія* грѣха и *волцы* беззаконія (Быт. III, 18): Господь давалъ повелѣніе и Израилю — истребить Хананеевъ, истребить Амалика; и — избиваемые младенцы, вмѣсто того, чтобы стать нѣкогда жертвами гнѣва и отверженія, предпосылались смертію, чтобы встрѣтить во адѣ съ радостію Господа — побѣдителя смерти.

Но, благодареніе Господу! съ рожденіемъ Его, *на земли* настали *миръ и благоволеніе!* войны еще не прекратились вовсе; но теперь уже самые бранолюбивые народы стыдятся начинать войну ради грабежа, обогащенія, захвата земли; всѣ они дѣлають видъ, будто бы, начиная войну, поднимають оружіе на защиту права, на огражденіе слабыхъ отъ обиды, невинныхъ отъ притѣсненія. Только между народами, непознавшими еще Христова ученія, допускается еще въ войнахъ избіеніе безоруженныхъ, умерщвление плѣнныхъ, разграбленіе мирныхъ жителей. И вожди народовъ христіанскихъ, если увлекаются къ войнѣ еще и нынѣ жаждою славы и корысти, то скрываютъ истинную причину начинаемой ими войны, зная, что народъ не пошелъ бы съ ними на войну несправедливую. Воины въ настоящее время, подвергая опасности жизнь свою на брани, одушевляются не гнѣвомъ, не местию, не корыстью, а словомъ Христовымъ: *болъши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други свои* (Іоан. XV, 13). На такой-то „доброй землѣ“ сердца, умягченныхъ Христовымъ ученіемъ, произросъ и этотъ прекрасный цвѣтъ христіанскаго милосердія, носящій на себѣ знаменіе „Краснаго Креста“.

Труженики и труженицы, носящіе на груди своей это знаменіе, среди войны могутъ себя чувствовать также безопасными, какъ и среди мира: какъ сами они не дѣлають разности между своими и непріятелями, такъ и для нихъ нѣтъ непріятелей; ни

одинъ выстрѣлъ не направится туда, гдѣ высоко развѣвается бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ по срединѣ; всѣ знаютъ, что подѣ этимъ флагомъ врачи подаютъ свою помощь израненнымъ, которыхъ снесли сюда братья—санитары, за которыми ухаживаютъ сестры милосердія; всѣ знаютъ, что здѣсь, на одрѣ болѣзни и страданія лежатъ рядомъ бывшіе врагами лишь нѣсколько часовъ назадъ тому; здѣсь страданія даютъ право на состраданіе и милосердіе: кто больше страждетъ, тому и спѣшать скорѣе подать помощь, — будетъ ли это соотечественникъ или иноплеменникъ; къ кому ближе опасность смерти, того и спѣшать исхитить отъ опасности всѣми средствами, какимъ научилось человѣчество въ теченіе тысячелѣтій своего страданія. По милости Божіей, предѣлы нашего отечества давно не знаютъ ужасовъ непріятельскаго нашествія. По милости Божіей, Самодержцы великаго православнаго царства русскаго, не обнажая меча, одною силою слова устраняютъ и предупреждаютъ бѣдствія войны, которая готова иногда вспыхнуть у сосѣдей нашихъ; и вотъ труженики и труженицы Краснаго Креста спѣшаютъ съ своею помощію за тысячи верстъ, въ знойныя страны западной или южной Африки и дѣлятся между враждующими народами. Но вотъ кончаются бѣдствія войны, возвращаются братья и сестры милосердія въ свои оставленныя жилища; что же? ужели здѣсь и конецъ ихъ милосердой дѣятельности? О, — нѣтъ! конечно, — нѣтъ! они узнали духовныя утѣшенія милосердой дѣятельности; они научились уменьшать страданія братій своихъ, поверженныхъ на одрѣ болѣзни; а въ церкви Христовой *каждый* членъ ея *служитъ* тѣмъ *дарованіемъ* (Рим. XII, 6—8), какое кто *пріялъ отъ Господа* (2 Петр. IV, 10); такъ они и дѣлаютъ; а болѣзни и страданій, къ прискорбію, слишкомъ еще много на землѣ! И вотъ въ различныхъ городахъ нашего отечества устроились Общины сестеръ милосердія отъ Краснаго Креста; *всякій*, имѣющій нужду, можетъ воспользоваться ихъ опытностію въ уходѣ за больными, ихъ умѣньемъ приложить къ дѣлу спасительныя требованія врача. Особенно же драгоценны эти опытность и умѣнье, когда гдѣ нибудь, какъ пожаръ, вспыхиваетъ какая нибудь заразительная болѣзнь; нужно бываетъ тушить этотъ

пожаръ въ началѣ; „упустишь огонь, — не скоро потомъ потушишь“. И вотъ, само правительство въ этихъ случаяхъ обращается къ помощи Краснаго Креста, посылая отряды сестеръ милосердія для борьбы съ заразою; и онѣ, какъ воинство Христово, повинуются Христу — Подвигоположнику, посылающему ихъ: *иди, и ты твори такожде*, какъ тотъ милосердый Самарянинъ, неубоявшийся разбойниковъ, не оставившій несчастнаго изъ опасенія, — „какъ бы и со мной не случилось того же“!

Вотъ какому благому дѣлу помочь своими пожертвованіями приглашаетъ насъ, братіе, св. церковь. Кто можетъ, пусть дастъ *два сребреника* въ распоряженіе Общества Краснаго Креста, съ сострадательною мыслию: „*прилежи ему*“, — приложи свое стараніе, окажи свою помощь страждущимъ братьямъ моимъ, *и еже аще что прииждивеши, азъ и еще, въ другой разъ, воздамъ ти* (Лук. X, 35. XXI, 2. XII, 59)! кто не богатъ серебромъ, пусть дастъ двѣ *мѣдницы*, пусть положить въ общую жертву одну *ленту* (Марк. XII, 42), — одинъ *кодрантъ*. Милосердый Самарянинъ видитъ его сердце.

Но, — еще нѣсколько словъ, братія; теперь уже не о томъ, какъ мы можемъ оказать свое содѣйствіе и помощь учрежденію, дѣятельность котораго совершается подъ знаменіемъ и именованіемъ „Краснаго Креста“, — а о томъ, какъ дѣятели „Краснаго Креста“ своимъ примѣромъ намъ могутъ оказать содѣйствіе и помощь въ нашемъ дѣлѣ, въ общемъ у насъ и у нихъ дѣлѣ, — въ дѣлѣ спасенія души.

Братія! Подлѣ насъ, вокругъ насъ идетъ постоянная война; — война, которой и конца не видится, — война безъ перемирій, хотя бы на самое краткое время; — война безъ пролитія крови, но, — въ тоже время, — безъ милосердія и пощады. Эту непрестающую брань и войну называютъ нынѣ борьбою за существованіе, хотя это названіе очень далеко отъ правды: существовать можно было бы всѣмъ, ничего не оспаривая другъ у друга; какъ свѣтомъ и воздухомъ мы пользуемся, ничего не лишая этимъ другого, такъ и другихъ жизненныхъ благъ, необходимыхъ для существованія, стало бы для всѣхъ; но, къ сожалѣнію, люди рѣдко довольству-

ются тѣмъ, что доступно всѣмъ и каждому, а хотять каждый имѣть больше, чѣмъ другіе, — хотять отличать одинъ отъ другаго превосходить одинъ другаго; гордость и любостыжаніе поражаютъ зависть, злобу и ненависть. Заглушаемая голосомъ страстей, замолкаетъ братская любовь, насажденная отъ природы въ сердцахъ каждаго, и человѣкъ въ другомъ человѣкѣ видитъ уже не брата, не ближняго своего, а чужого и врага. Въмѣсто того, чтобы по наставленію апостола, *не своихъ* искать прежде всего во всякомъ дѣлѣ, а искать коемуждо пользы *ближняго* (1 Кор. X, 24), — теперь самое обыкновенное дѣло, что *каждо* только о томъ и думаетъ, какъ бы ближній чѣмъ нибудь не воспользовался, чего нибудь не предвосхитилъ. И вотъ, какъ во время войны народовъ, забываются, оставляются законы истины и справедливости и въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля считается позволительнымъ употребить и хитрость, и обманъ, и подкупъ, и соглядатайство; такъ и въ этой войнѣ, какая постоянно ведется между братьями, въ войнѣ скрытной, гдѣ враги встрѣчаются какъ друзья, гдѣ требованія общежитія и такъ называемой вѣжливости, (т. е. вѣдѣнія, знанія, какъ принято обращаться), — придаютъ видъ братства и любви, расположенности и уваженія тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ одна холодность, себялюбіе, расчетъ, подозрительность и зложелательство. Такое постоянное настроеніе приучаетъ людей смотрѣть на каждаго ближняго, какъ на врага, который, если не будетъ обезсиленъ, то самъ тебѣ причинить вредъ. И вотъ, какъ поле битвы покрыто бываетъ мертвыми и умирающими, обезсиленными отъ ранъ и требующими милосердой помощи, чтобы не погибнуть; такъ и въ этой скрытой, но безпощадной борьбѣ, какую представляетъ собою жизнь окружающихъ насъ, сколько есть несчастныхъ жертвъ, обезображенныхъ, покрытыхъ ранами страстей, едва едва сохраняющихъ въ себѣ божественное *дыханіе жизни* (Быт. II, 7)! Гордость, зависть, озлобленіе, ненависть; любостыжаніе и скупость; обидчивость и подозрительность; лукавство и лживость; притворство и лицемеріе; безсердечное равнодушіе къ нуждамъ и бѣдствіямъ ближняго и злорадство, — все это раны, струны и увѣчья, которыми обезображена душа, созданная по образу Божию (— I, 27);

всего этого не было въ ней, когда она вступила въ жизнь; все это послѣдствіе того зла, которое испытывала она въ жизни отъ другихъ и которое сама причиняла другимъ. Вотъ здѣсь — то, братія, и нужно намъ вспомнить, то правило, по которому дѣйствуютъ братья и сестры „Краснаго Креста“. *Иди, Христовъ послѣдователь, твори и ты такожде* (Лк. X, 37), какъ милосердый самарянинъ въ притчѣ, изреченной Господомъ: не спрашивай: *и кто есть ближній мой* (сх. 29)? ужели я долженъ считать ближнимъ, достойнымъ моей любви и состраданія этого злобнаго, безсердечнаго, завистливаго, лукаваго, лицемѣрнаго человѣка? Чѣмъ большимъ искаженіямъ подверглась въ этой душѣ красота божественнаго образа, тѣмъ большаго достоинъ онъ сожалѣнія, тѣмъ больше онъ нуждается въ христіанскомъ милосердіи. Если душевныя раны его нетерпятъ даже и сострадательнаго прикосновенія, если всякое слово *обличенія*, какъ бы оно ни было осторожно, само по себѣ болѣзненно для этого несчастнаго, какъ новая *рана ему*, — *возлей* на эти раны *елей* твоего состраданія; если онъ не допускаетъ тебя и коснуться къ себѣ, относится къ тебѣ съ той ненавистью и презрѣніемъ, съ какими иудеи относились съ самарянамъ, — воззови о помощи молитвеннымъ *воплемъ крѣпкимъ* (Евр. V, 7) къ Премилосердому, не отъ „Самаріи, но отъ Маріи пришедшему“. Онъ сейчасъ же услышитъ вопль, исходящій отъ любящаго и сострадательнаго сердца. *Не побѣжденъ бывай отъ зла*, которое видишь въ ближнемъ твоёмъ, *но препобѣждай* это злое (Рим. XII, 21) твоимъ сострадательнымъ къ несчастному грѣшнику благорасположеніемъ. И мы, братіе, дадимъ въ сердцахъ нашихъ мѣсто милосердію Того, Кто *еще грѣшникомъ сушимъ намъ за ны умре* (Рим. V, 8).

Аминь.

1899 г.